

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра

«Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Лингвистическая экспертиза

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему

Нелитературная лексика в художественном контексте

(на материале прозы А. Марининой)

Обучающийся

Е. В. Сиротина

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный

руководитель

доктор филол. наук, доцент И.А. Измestьева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Нормативность и ненормативность языковых единиц	11
1.1 Нормативное, стилистическое и морально-этическое словоупотребление.....	11
1.2 Литературная инвективная и нелитературная инвективная лексика.....	17
1.3 Неприличная языковая форма и оскорбление с бытовой и юридической точек зрения.....	20
1.4 Инвективная функция нормированной и ненормированной лексики	22
Глава 2 Нелитературная лексика в художественном контексте	27
2.1 Эстетическая функция нелитературной лексики.....	27
2.2 Художественное произведение в аспекте лингвистической экспертизы	31
2.3 Нелитературные элементы в речи персонажей романов А. Марининой «Игра на чужом поле», «Шестёрки умирают первыми», «Стилист», «Стечение обстоятельств»	33
2.4 Некодифицированная лексика в романе А. Марининой «Другая правда»	37
2.5 Место нелитературной лексики в романах А. Марининой «Другая правда», «Безупречная репутация», «Отдаленные последствия».....	41
2.6 Функции нелитературной лексики в произведениях А. Марининой.....	46
Заключение	67
Список используемой литературы и используемых источников.....	70
Приложение А Специальные словари русского языка	81

Введение

Проблема разграничения литературного и нелитературного в национальной системе русского языка была поднята учеными еще в XVIII веке. Отечественные языковеды В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов дают обоснование диалектному разграничению русского национального языка, в XIX веке В. И. Даль, работая на «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863-1866), предлагает свою классификацию русских народных говоров в статье «О наречиях русского языка» (1852), в дальнейшем вопросы разработки русской диалектной системы поднимают А. А. Потебня, И. И. Срезневский, А. И. Соболевский и другие ученые. Если первоначально внимание было сосредоточено на вопросе осмысления диалектной лексики и литературной лексики, то на рубеже XIX-XX веков было обращено внимание на социальные диалекты русского языка: «языки, с которыми мы в большинстве случаев имеем дело, не являются языками какой-либо элементарной общественной ячейки, а языками весьма сложной структуры, соответственно сложной структуре общества, функцией которого они являются» [110].

В трудах Л. В. Щербы, Е. Д. Поливанова, Л. П. Якубинского, С. И. Бернштейна и других социолингвистов формируются основы теоретического и практического описания языка и общества. Проблема взаимодействия между различными подсистемами национального языка развивается в работах Ф. П. Филина, который исследовал вопрос устаревающей лексики, литературного просторечия, смещения литературных форм в сторону нелитературных [101]. В. В. Виноградов определяет функциональную нагруженность нелитературных форм русского национального языка как «внелитературное речеведение» [17, с. 82]. Д. Н. Шмелев, Т. С. Коготкова, А. С. Герд, Г. Н. Складаревская, И. Н. Шмелева и др. рассуждают об отнесенности к литературному языку лексем, которые имеют помету «областное, диалектное» [92]. Л. П. Крысин подчеркивает, что

регионально-окрашенные варианты допустимы в подсистеме литературного языка [48, с. 53].

В настоящее время вопрос функционирования внелитературной лексики в художественном контексте привлекает пристальное внимание ученых Т. А. Гридиной [28], В. И. Карасика [39] Л. Г. Самотик [87] и др. Ученые отмечают, что внелитературная лексика (арго, жаргонизмы, диалектизмы, просторечие и др.) широко используются в художественном контексте, выполняют функции речевой характеристики персонажей и описания пространственно-временной картины, являются стилистическим приемом и средством выразительности. В рамках лингвистической экспертизы спорных текстов термин внелитературная (нелитературная) лексика рассматривается достаточно широко, исключается условие художественного контекста (и условие, подчеркнутое Т. А. Гридиной, – внелитературные средства могут быть рассмотрены как «скрытые резервы языка»); в объем этого понятия включаются различные группы инвективных языковых средств учеными Т. Н. Касьянюк и С. С. Шипшиным [43].

В настоящей выпускной квалификационной работе рассматриваются языковые особенности произведений А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021), в идеостиле которой активно функционируют нелитературные средства языка.

Творчество А. Марининой изучено учеными в разных аспектах. Так, А. И. Хартикова описывает концепт «время» в произведениях А. Марининой [102]; Б. Алиция рассуждает об образе женщины в детективах А. Марининой [1]; Г. М. Пономарёва обосновывает гендерные особенности романиста [76]; Е. И. Трофимова характеризует творчество А. Марининой в аспекте русской ментальности [99]; Ю. О. Чернявская исследует жанровую специфику автора [104]; М. А. Черняк определяет направления развитие жанра детектива на

материале произведений А. Марининой [105]; А. М. Шабанова рассуждает о «женской прозе» в русской литературе 90-х годов XX века [106] и др.

Однако вопрос языкового мастерства А. Марининой остается малоизученным, особенно проблема функционирования нелитературной лексики в жанре детективной литературы. Этот аспект определил актуальность настоящей магистерской диссертации.

Объектом выпускной-квалификационной работы выступил язык текстов произведений А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021).

Предмет выпускной-квалификационной работы составили нелитературные языковые средства, их функционирование в романах А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021).

Цель магистерской диссертации состоит в том, чтобы проанализировать нелитературную лексику в художественном контексте произведений А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021).

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть понятия «литературные и нелитературные» языковые средства, «нормативные и ненормативные» языковые средства;
- 2) обобщить научную полемику, посвященную проблеме определения объема понятия «внелитературные средства» в аспекте академического филологического подхода и практики использования данного термина в аспекте лингвистической экспертизы спорных текстов;

3) описать нелитературные языковые средства в художественном контексте, в частности, в романах А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021);

4) осмыслить функциональную нагруженность нелитературных языковых средств в произведениях А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021);

5) определить языковые особенности различных персонажей романов А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021).

Методологической основой выпускной квалификационной работы выступили труды, посвященные исследованию системы русского национального языка Л.А. Булаховского [11], В. В. Виноградова [13], Г. О. Винокура [18] и др.; проблемам изменения норм русского литературного языка К. С. Горбачевича [26]; вопросам стилистики художественной речи А. И. Ефимова [31], Л. Г. Бабенко [3], В. И. Максимова, Ю. А. Бельчикова, А. В. Голубевой, Е. В. Маркасовой, Т. И. Суриковой [98], Г. Я. Солганика [94] и др.; лингвистическому толкованию художественного текста Л. А. Новикова [72], анализу языка художественного произведения Д. Н. Шмелева [108], Л. Г. Самотик [89] и др.; культурным доминантам в языке В. И. Карасика [40] и др. Были привлечены труды, посвященные изучению нелитературных языковых средств, О. Н. Емельяновой [30], Л. П. Крысина [48], В. М. Мокиенко [68], Д. И. Панкова [82], Е. Ф. Петрищевой [73], В. В. Посиделовой [79], Е. В. Пурицкой [82], Л. Г. Самотик [89], Г. Н. Скларевской [92], Д. Н. Шмелева [92], И. А. Стернина [95], Ф. П. Филина [101] и др. В качестве иностранных источников были изучены

исследования иностранных ученых, посвященные проблеме функционирования сленга: А. М. Rot [114], Е. Sagarin [115], R. A. Spears [116], С. Eble [117] и др.

В выпускной квалификационной работе были использованы общетеоретические методы анализа и обобщения, которые позволили осмыслить различные подходы к определению сущности литературного языка и внелитературных подсистем в рамках русского национального языка; выявить объем используемых понятий в разных научных сферах. При исследовании языка произведений А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021) привлекались методы лексико-семантического и стилистического анализа, использование которых раскрыло особенности реализации (условия употребления и стилистической окрашенности) нелитературной лексики в произведениях А. Марининой.

Научная новизна выпускной квалификационной работы: выявлена неоднозначность используемой терминологии «нелитературные» и «внелитературные» языковые средства; определена специфика анализа нелитературных средств литературного произведения в аспекте филологического анализа и лингвистического анализа спорного текста; впервые проанализированы языковые средства выразительности в произведениях А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021); определена функциональная значимость нелитературных языковых средств в произведениях А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021).

Теоретическая значимость выпускной квалификационной работы обусловлена обобщением научной полемики по проблеме функционирования в национальном русском языке особой подсистемы внелитературной сферы языка

и стоящих особняком ненормативных и некодифицированных языковых средств языка в рамках литературного языка.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы состоит в том, что сделанные научные наблюдения можно использовать как в практике изучения внелитературных средств образности в художественном контексте в школе и вузе, так и при проведении лингвистической экспертизы художественных текстов.

Апробация выпускной квалификационной работы. Материалы магистерской диссертации были представлены в виде научных докладов на конференциях:

1. Студенческие Дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция. Тольятти, 1-30 апреля 2024 год;
2. «Молодежь. Наука. Общество»: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция. Тольятти, декабрь 2024 года;
3. Студенческие Дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция. Тольятти, 1 апреля – 16 мая 2025 года.

Подготовлены к публикации 2 статьи: 1) Сиротина Е. В. Употребление нелитературной лексики в правоохранительной среде // Студенческие Дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция. Тольятти, 1-30 апреля 2024 год; 2) Сиротина Е. В. Функционирование некодифицированной лексики в романе А. Марининой «Другая правда» // «Молодежь. Наука. Общество»: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция. Тольятти, декабрь 2024 года.

На защиту выпускной квалификационной работы выносятся следующие положения:

1. Литературный язык характеризуется нормированностью и кодифицированностью, нелитературные (внелитературные) языковые средства (диалектизмы, жаргонизмы, просторечие) находятся за пределами литературного языка. Однако функционируя в художественном пространстве, нелитературные

средства определяют стилистическую и эстетическую значимость текста, поэтому принцип нормативности/ненормативности к ним не применяется.

2. Нелитературные (внелитературные) языковые единицы в расширенном понимании включают в себя случаи ненормативного употребления инвективных средств языка, куда отнесены нецензурная лексика; лексика со сниженной стилистической окраской (сленг, жаргон, вульгаризмы, диалектизмы, просторечие); грубо-просторечная (бранная) лексика; литературная лексика с отрицательной оценкой в презрительной модальности. Расширенный объем понятия «нелитературная» / «внелитературная» лексика используется при проведении лингвистической экспертизы спорных текстов.

3. Нелитературные языковые средства, отмеченные в произведениях А. Мариной «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021), выполняют ряд функций: служат для передачи социальной достоверности текста, отражая язык эпохи; создают психологический портрет персонажа, речевой образ различных социальных групп; регистрируют профессиональный язык персонажей, используя в характерологической функции; является выразительным средством языка художественной литературы.

Структура выпускной квалификационной работы отражает логику проведенного исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Во введении обосновывается актуальность выпускной квалификационной работы, указаны объект, предмет, цель и задачи исследования; определена методологическая база магистерской диссертации, обоснованы новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, которые доказываются в главах выпускной квалификационной работы.

Первая глава «Нормативность и ненормативность языковых единиц» освещает общетеоретические вопросы, связанные с проблемами нормативное словоупотребление, стилистическое словоупотребление и морально-

этическое словоупотребление; дается разграничение понятий «литературная инвективная» и «нелитературная инвективная» лексика; осмыслены вопросы, связанные с неприличной языковой формой и оскорблением с бытовой и юридической точек зрения; определением инвективной функции нормированной лексики в аспекте лингвистической экспертизы.

Вторая глава «Нелитературная лексика в художественном контексте» сосредоточена на характеристике языковых средств образности (нелитературные языковые средства), которые функционируют в художественном произведении и могут быть рассмотрены в аспекте лингвистической экспертизы. Глава посвящена анализу нелитературной лексики в произведениях А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996), «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021), описанию эстетической функции нелитературной лексики в художественном контексте А. Марининой, осмыслению функциональной значимости нелитературных речевых единиц в рамках профессионального общения персонажей произведений – сотрудников полиции и преступников.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, отмечены результаты цели научной работы и решаемых задач исследования, делаются обобщения по обозначенным положениям защиты.

Глава 1 Нормативность и ненормативность языковых единиц

1.1 Нормативное, стилистическое и морально-этическое словоупотребление

В национальный язык входит система литературного языка, основой которого выступает лексико-фразеологическая, стилистическая, грамматическая сферы реализации литературной нормы, которая закреплена в словарях, справочниках и грамматиках русского языка. За пределами литературной системы находятся подсистемы национального языка, которые реализуются в устной форме (диалекты, просторечие, арго, жаргон, профессионализмы). Понятия «нелитературная лексика» и «слова, находящиеся за пределами литературного языка (диалектизмы, арготизмы, жаргонизмы, вульгаризмы)» отражены в первом издании «Словаря-справочника лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой в 1976 году [85, с. 215]. Литературные и нелитературные языковые единицы были описаны в трудах В. В. Виноградова [12], [13], [14], [14], [16], [17], Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [85], Д. Н. Шмелева [108], [109], Л. Г. Самотик [87], [88], [89] и других ученых.

Традиционное определение понятия «литературная лексика» находим во всех справочниках и пособиях по современному русскому языку. Указано, что в основе русского литературного языка лежит литературная лексика: «... это не только лексика художественных произведений, но и язык театра, кино, школы, газет, журналов, радио и телевидения. В то же время на литературном языке разговаривают на работе, в общественных местах, в кругу друзей. То есть литературный язык – не только язык письменной культуры, но и живой язык культурных людей» [71]. В понятие нелитературная лексика включены диалекты, просторечие, арго, жаргон, профессионализмы. Лексика русского литературного языка имеет важную характеристику, она относится или не относится к определенному нормативно-стилистическому пласту.

Академические словари включают в понятие нормативной лексики слова с точки зрения актуальных языковых норм [82, с. 23-43].

Обозначенная проблема считается актуальной, так как словарный состав языка меняется, словари могут запаздывать за отражением в них нормативно-стилистических помет. Известно, что слова просторечные могут войти в разряд разговорных, а разговорные единицы стать нейтральными. Например, известна развернувшаяся полемика относительно ударения в слове *звонИт*, предложение просторечную форму *звОнит* отнести к разговорно-литературной вызывает в настоящее время большие споры, как в свое время вызвала недоумение новая помета, допускающая разговорно-литературное употребление слова *кофе* среднего рода; лексема *пивнАя* имеет в Словаре Ушакова помету разговорное, а в Словаре Ожегова отмечена без помет; *оде́жа* – в Словаре Ушакова имеет помету прост., в Словаре Ожегова 1989 года – разг.; *курАжиться* прост. в Словаре Ожегова и разг. в Большом толковом словаре 1998 г. и др. [82].

Лингвисту-эксперту, работающему с целым рядом словарей, приходится испытывать определённые трудности в связи с неоднозначным толкованием ряда лексем: «Разнородная стилистическая характеристика слов не способствует точности и объективности экспертиз, проводимых с опорой на эти словари. Для получения максимально объективной и полной стилистической характеристики слов следует сопоставлять несколько лексикографических источников» [45, с. 34].

При всей неоднозначности стилистических помет нормативный пласт лексико-фразеологической системы языка достаточно стабильный, он связан не просто с закреплёнными в словарях, справочниках и грамматиках лексемами и фраземами, которые рекомендованы для публичного дискурса, но и получившими нормативно-стилистическую характеристику: «Лексика и фразеология делятся на нормативную (допустимую как в устной, так и в письменной речи, в публичном общении, СМИ) и ненормативную (находящуюся за пределами норм литературного языка, которая

рассматривается обществом как недопустимая в публичном употреблении, в средствах массовой информации)» [95, с. 16-21].

Именно правила использования литературной и разговорной лексики определяют функционирование нормативной лексики в обществе в устной и письменной форме. Известно, что литературная лексика реализуется во всех функциональных стилях, а разговорная используется в устной речи и не рекомендована в письменной речи, лексемы типа «*отдуваться за кого-то, напрягаться, бедокурить, безалаберный, вызволить, галиматья, журить, лебезить, морочить, влипнуть, шлепнуться, простыть, получка, напрочь, бездарь, наезжать* и т.д.» [95, с. 16-21] ощущаются как инородные в письменной речи.

При этом литературная и разговорная лексика и фразеология с морально-этической точки зрения «воспринимается общественным сознанием как приличное, а способ языкового выражения соответствующей информации при помощи приличной лексики может быть назван приличным. Таким образом, приличная лексика, приличная языковая форма выражения мысли – это использование нормативной (приличной) лексики и фразеологии» [95, с. 16-21].

Ненормативная лексика исключена из литературного употребления, получила следующие определения – *неприличная лексика* («табуизированные (табуированные) во всех дискурсах слова и выражения: обценные понятия и речевые обороты с непристойным значением» [79, с. 14]; *нецензурная лексика* («к нецензурным словам и выражениям относятся четыре общеизвестных слова, начинающихся на «х», «п», «е», «б», а также образованные от них слова и выражения, содержащие в своем составе данные корни» [86]); *инвективная лексика* («К ней относятся слова или лексические либо фразеологические конструкции обусловленного характера, нарушающие нормы речевого этикета и общественной морали (диалектные, жаргонные, просторечные), употребленные в грубой форме с целью унижения достоинства адресата и отрицательной оценки участников коммуникации» [79, с. 13-14]); *бранная*

лексика («... по определению новейшего русского академического словаря – это ‘оскорбительные, бранные слова; ругань’ (ССРЯ, 1, 737), а *обценная лексика* (*obscenne slova*), по дефиниции новейшей же языковедческой энциклопедии, – ‘грубейшие вульгарные выражения, которыми говорящий спонтанно реагирует на неожиданную и неприятную ситуацию» [68]); *вульгарная лексика* («это стилистически сниженные синонимы слов и выражений литературного языка, например: *лицо – харя, мурло, мордоворот; есть – жрать, хавать; хотеть (чего-либо) – раскатать губы*. ... Употребление вульгаризмов, не связанное со стилистическими целями, является нарушением речевого этикета и ведёт к огрублению речи [10]); *сниженная разговорная и просторечная лексика* («Использование просторечной лексики в разговоре с незнакомыми людьми является нарушением не только литературных, но и культурных норм (*бедолага, оболтус, ляпнуть*)» [См. в Приложении, 1]); *грубая лексика* («синоним оскорбительной лексики; оскорбительная лексика – это вульгарная, бранная и нецензурная» [95]); *оскорбительная лексика* («... это употребление неприличных, бранных, непристойных слов и фразеологизмов, противоречащих правилам поведения, принятым в обществе. К основным тематическим группам нецензурной лексики относятся: название животных; наименование нечистот, интимных отношений и гениталий» [75]).

Перечисленные определения используются в бытовом употреблении и как лингвистические и юридические термины. Понятийное содержание данных словосочетаний различается, однако всех их объединяет критерий невозможности и недопустимости использований данных лексем и фразем в публичном пространстве, И. А. Стернин подчеркивает, что «ненормативная лексика – это та, которую нельзя употреблять при свидетелях, «чужих» людях» [95, с. 16-21].

В. В. Посиделова предлагает группы слов ненормативного употребления включить в понятие инвективные средства языка: «1) мат, нецензурная лексика (обценные слова); 2) лексика со сниженной

стилистической окраской (сленг, жаргон, вульгаризмы, диалектизмы, просторечие); 3) грубо-просторечная (бранная) лексика; 4) литературная лексика с отрицательной оценкой в презрительной модальности» [79, с.13-14].

В чем состоит еще различие между отмеченными определениями ненормативной лексики, кроме как запрет на их использование в публичном пространстве. Ученые отметили, что лексемы и фраземы со сниженной стилистической окрашенностью могут быть использованы в определенных ситуациях устного общения: сленговые и жаргонные слова и выражения типа *тачка*, *телка*, *чмо* и др.; диалектизмы типа «*лакудра* – (груб.) неопрятная женщина; *лярва* – (груб.) грязная, неаккуратная женщина; *музлан* – (груб.) мужик; *музланий* – (груб.) мужицкий крестьянский; *музланьё* – (груб.) мужичьё, крестьяне; *муйнак* – (груб.) бессовестный, нахальный человек; *муйначий* – (груб.) собачий» и др. [29, с. 241-242]; просторечие типа *дрянь*, *рожа*, *дурак*, *гнида* и др. Конечно, употребление подобных слов говорит об уровне культуры говорящего, однако такие слова считаются уместными внутри определенной социальной группы (жаргонизмы, сленговые выражения); в диалектной коммуникации; стилистически сниженная лексика допускается в дружеской и семейной коммуникации; также в случаях эмоциональной реакции в условиях близкого и бытового общения.

Как некультурная форма коммуникации, сквернословие недопустимо в общественных местах. Однако, как замечает В.М. Мокиенко: «Депутаты Верховного Совета, президенты, мэры городов и главы администрации не гнушаются «простым русским словом» или в крайнем случае, его эвфемизмами. Мат, как и жаргон, стал своего рода модой, – как, впрочем, и популизм в его самом обнаженном варианте» [68].

Бранная лексика употребляется 1) с целью обидеть и унижить человека, поэтому ему дается отрицательная характеристика; 2) как эмоциональная реакция на происходящее; 3) как маркировка своего в определенной группе общения, банные слова используются в функции междометия. А. Н. Баранов пишет, что «доказать принадлежность того или иного обценного слова к

числу нецензурных довольно сложно. В этом случае приходится обращаться не к нормативным словарям, а к словарям сленгов, жаргонов, словарям ругательств и нецензурной лексики ... к нецензурным словам отнесены несколько непроизводных слов, задаваемых списком (х ..., п..., е...ть, з...па), а также слова и словосочетания, производные от них» [4, с. 457].

Автор «Большого словаря русской разговорной речи» В. В. Химик указанное четвертое слово не включает, а отмечает нецензурные слова «б...дь» и «м...нда» [103]. И. А. Стернин считает, что «к нецензурной лексике в современном русском языке следует однозначно отнести пять слов – нецензурное обозначение мужского полового органа (х...), нецензурное обозначение женского полового органа (п...зда, м...нда), нецензурное обозначение процесса совокупления (е...ть) и нецензурное обозначение женщины распутного поведения на букву «б», а также все образованные от этих слов языковые единицы, то есть все языковые единицы, содержащие в своем составе данные корни» [95].

При проведении лингвистической экспертизы, связанной с делами об оскорблении, защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо давать точное лингвистическое определение понятия «неприличная форма высказывания», которое соотносится с понятием оскорбление: «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» (ст. 130 УК РФ). Об этом пишут ученые: Е. И. Галяшина [23], Н. Д. Голев [24], [25], И. А. Стернин [95], [97] и др.

Таким образом, морально-этический аспект обозначенной проблемы очень важен, он лежит в плоскости бытового и юридического понимания; лексическая или фразеологическая единица должны обладать объективными характеристиками, «чтобы можно было определить ее статус как нецензурной, грубой, неприличной и под. Морально-этический анализ словоупотребления должен основываться на объективном лексико-семантическом, то есть собственно лингвистическом анализе» [95].

1.2 Литературная инвективная и нелитературная инвективная лексика

Термин «неприличная форма выражения» не получил однозначного толкования, поэтому ряд ученых предлагают рассматривать понятия «литературная инвективная» и «нелитературная неинвективная» или «внелитературная инвективная» лексика [82].

Ученые отмечают, что общее огрубление современной коммуникации привело к тому, что молодые носители языка не замечают непристойности и нарушение моральных норм при использовании неприличной лексики, такая лексика становится привычной для обыденной и даже публичной коммуникации.

В рамках лингвистической экспертизы к нелитературной инвективной лексике относят бранные слова и выражения, которые использованы с целью оскорбить и унизить. Такая лексика отличается следующими признаками, как «1) резко негативной, циничной оценкой конкретного лица; 2) грубо вульгарной экспрессивной окраской; 3) принадлежностью к просторечию, жаргонам и т.п.; 4) фиксированием в словарях стилистическими пометами "бранное", "вульгарное", "грубо-прост."» [82]. Считается, что при исследовании нелитературной инвективной лексики достаточно учитывать набор отмеченных признаков.

И. А. Стернин предлагает опираться на следующие признаки, объединив их для удобства в таблицу:

Таблица 1 – «Нормативная и ненормативная лексика»

По нормативности	Нормативная (допустима в любой ситуации)	Ненормативная (допустима в ограниченном числе ситуаций)		
По стилистической отнесенности	Литературная и разговорная	Сниженная Сленг Жаргон Просторечие Вульгаризмы	Бранная (<i>сволочь</i> , <i>подлец</i> , <i>дрянь</i> , <i>ублюдок</i> ,	Нецензурная (5 слов и их производные)

Продолжение таблицы 1.

По нормативности	Нормативная (допустима в любой ситуации)	Ненормативная (допустима в ограниченном числе ситуаций)		
		(<i>харя, рожь, пузо, жопа, срать</i> и др.)	(<i>сука, дерьмо, говно</i> и др.)	
По этическому критерию (допустимости в общественном месте)	Приличная (допустима в общественном месте)	Некультурная (Неуместна в общественном месте)	Сквернословие Неприличная (запрещена в общественном месте)	

К литературной инвективной лексике относят лексемы экспрессивного характера, функционирование которых определено контекстом и ситуацией общения, экспрессивно-оценочный потенциал такой лексики считается высоким: *мерзавец, кретин, дармоед, дурак, негодяй, подлец* и др. В самих лексемах содержится отрицательная коннотация, их экспрессивное употребление не позволяет однозначно определить, относится ли их использование как реакция говорящего или как характеристика собеседника с целью оскорбить и обесчестить. В данном случае имеет место реакция собеседника на услышанную экспрессивную лексику.

Лингвистические признаки литературной инвективной лексики определяются по лексикографическому описанию, при этом учитывают: «1) семантический признак с учетом характера оценки (положительная, отрицательная, пренебрежительная и др.); 2) экспрессивную характеристику, т. е. характер экспрессивно-эмоциональной оценки (бранное, вульгарное, неодобрительное, презрительное и т. п.); 3) социально-функциональную характеристику (разговорная, вульгарно-просторечная, жаргонная лексика и т. п.)» [43].

В научной литературе используется термин *внелитературная лексика*. Это понятие связано с художественным контекстом. Так, Л. Г. Самотик уточняет, что такие лексемы 1) не отмечаются в толковых словарях современного русского литературного языка; 2) функционируют в

художественной литературе, использованы как стилистическое выразительное средство; 3) «Эта лексика представляет собой резерв литературного языка и заимствуется из нелитературных стратов национального языка (территориальных диалектов, просторечия, жаргонов, языка других исторических эпох, терминов за пределами толковых словарей), из других языков»; 4) к внелитературной лексике не относятся авторские неологизмы [89].

В художественном тексте автором используются различные изобразительно-выразительные средства, «любая лексика, в том числе инвективная. Лексика, находящаяся за пределами литературного языка, в художественном тексте также выполняет эстетическую функцию. Следовательно, к ней не применимо понятие неприличной формы» [65]. Предметом лингвистической экспертизы могут выступать художественные тексты, к которых использованы нелитературные языковые единицы, как правило, «в рамках исследования художественного текста последовательно решаются экспертные задачи, в первую очередь связанные с идентификацией и классификацией спорного материала» [65].

Интересно, что термин внелитературная лексика в рамках лингвистической экспертизы нехудожественного текста использован специалистами Т. Н. Касьянюк и С. С. Шипшин. К внелитературной лексике в аспекте психолого-лингвистической экспертизы были отнесены следующие признаки: 1) *лингвистический* (учитывается, семантическая, экспрессивная, стилистическая, функциональная характеристика лексем); 2) *ситуативный* (характер речевого акта – место и обстоятельства действия, социальная роль говорящего и адресата, публичность или непубличность речи, сфера речи – угрожающая, оскорбительная и др.); контекст речевой ситуации и контекст речи; намерение говорящего или пишущего; 3) *лично-значимые признаки* [43].

Таким образом, в инвективной функции могут выступать собственно бранные слова и выражения и нормированная (неоскорбительная по своей природе) лексика.

1.3 Неприличная языковая форма и оскорбление с бытовой и юридической точек зрения

Как было отмечено выше, к нелитературной инвективной лексике были отнесены бранные слова и выражения с грубо вульгарной экспрессивной окраской, которые имеют цель оскорбить и унижить, то есть дать негативную оценку конкретному лицу. Эти лексемы принадлежат к просторечию, жаргонам и т.п.; зафиксированы в словарях стилистическими пометами «бран.», «вульг.», «грубо-прост.» [82].

И. А. Стернин подчеркивает, что для обыденного сознания бранные, нецензурные и грубые слова и словосочетания воспринимаются как неприличные, но при этом «Если тот или иной смысл имеет литературную или разговорную форму выражения, эта форма не может быть признана неприличной, она остается в разряде нормативной лексики. В этом случае заявителя может оскорблять содержание (если оно не соответствует действительности), но не форма» [95]. Ученый подчеркивает, что «Использование нормативной лексики в негативных высказываниях не подлежит правовому регулированию [95]¹, например: «проститутка», «хам» и др. выражения не являются нецензурными и неприличными по форме, так как лексемы употребляются в литературном языке. Итак, просторечная, грубо-просторечная, вульгарная, грубая лексика (в целом сниженная лексика), будучи ненормативной, говорит о речевой культуре говорящего, но с юридической точки зрения не квалифицируется как неприличная.

¹ «По смыслу закона, при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 130 УК Российской Федерации, обязательным признаком уголовно-наказуемых действий является неприличная форма оскорбления, унижающего честь и достоинство потерпевшего лица. Неприличная форма противоречит общепризнанным правилам поведения людей, при этом учитываются нормы нравственности общества, а не восприятие ее самим потерпевшим» [95].

Если в публичном пространстве говорящий использует грубую лексику, то нарушаются морально-нравственные нормы, особенно, если это происходит в медийном пространстве. Использование такой лексики в художественном контексте может выполнять эстетическую функцию, хотя это может быть расценено как нарушение запрета на публичное использование бранных слов и выражений в письменной речи. В устной речи в определённой групповой и социальной среде, то есть «среди своих», употребление сниженной лексики допускается как норма, хотя и подлежит моральному осуждению. При этом такая лексика не является предметом правового регулирования. Значит, если лексемы и фраземы имеют нормативно-литературную или разговорную формы выражения, то они не могут быть признаны оскорбительными (хотя и считаются неуместными в публичной сфере коммуникации).

В каких случаях ставится вопрос о правовом регулировании? Когда в адрес конкретного лица использована нецензурная (неприличная, непристойная) лексика и фразеология с целью оскорбить, нарушая нормы общественной морали². К нецензурной лексике были отнесены пять лексем (отмечено выше). Также должны быть следующие условия: 1) цель нанести оскорбление; 2) дать характеристику адресату; 3) «наличие конкретной негативной информации об адресате»; 4) «фактологический характер сообщаемой информации»; 5) «указание на нарушение конкретного закона или конкретных моральных норм и т.д.» [95].

Итак, оскорбление различается в бытовом плане и юридическом. Юридический аспект связан с оскорбительной (нецензурной) лексикой, эта

² «Обязательным признаком объективной стороны преступления является способ унижения чести и достоинства другого человека - неприличная (т. е. откровенно циничная, резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми) форма. Таковы, например, нецензурные выражения ...» (Словарь по уголовному праву / Отв. ред. зав. сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской Академии наук РФ, проф., д-р юр. наук А. В. Наумов. М.: Издательство БКЭ, 1997).

лексика имеет конкретного адресата (исключается случай использования бранных слов «себе под нос»), эта лексика использована публично.

Бранная и вульгарная лексика (типа *козел, урод, тварь, придурок* и под.) не является нецензурной и неприличной в юридическом смысле, так как не порочит честь и достоинство человека (в отличие от лексем *иллюха, мошенник, взяточник* и под.).

1.4 Инвективная функция нормированной и ненормированной лексики

Инвективная понимается в широком и узком значении. Инвектива в узком значении – это словесная агрессия, которая воспринимается в обществе как «ненормативная, некодифицированная, табуированная, непристойная, непечатная, нецензурная лексика» [32]. В широком смысле нормативное слово может выполнить инвективную функцию, например: «Ср. в статье А. Новикова: «*Вас ждет хороший ошейник*» – инвектива в широком смысле» [32].

О. В. Саржина внутри основной коммуникативной функции инвективной лексики выделяет «1. Экспликативная: а) дескриптивна; б) аксиологическая; в) катарсическая; г) стилеразличительная. 2. Номинативная. 3. Волонтиративная (функция воздействия): а) инвективная; б) дидактическая. 4. Обобществляющая (объединяющая): а) социализирующая; б) фатическая. 5. Поэтическая» [90].

Следует учитывать цель коммуникации, например, экспликативная функция предполагает передачу информации; дескриптивная функция инвективов (в этих лексемах уже изначально заложена отрицательная оценочная коннотация) направлена на описание адресата (например, *трепло, лодырь, дармоед* и под.); аксиологическая функция инвективов отражает оценочный компонент, «выделяются три типа оценочных компонентов: 1) интеллектуально-логический, 2) эмоциональный и 3) эмоционально-интеллектуальный» [90]. Первый тип оценочности связан с категорией

«хорошо – плохо», второй и третий тип определены эмоциями (*урод* бран., *бестия* и др.).

Катарсическая функция инвективов определяется как результат эмоциональной разрядки, говорящий выплескивает свои отрицательные эмоции, используя бранные слова и выражения: «Всякая инвектива по самой своей природе представляет собой агрессивное действие... Различные агрессивные действия имеют задачу исключительной социальной важности – катарсис, психологическая разрядка, а значит, содействуют психическому здоровью организма» [34, с. 16].

Стилеразличительная функция инвективов отражает экспрессивную сторону разговорности. Т. Г. Винокур пишет, что отмечает, что «сниженно-прсторечная языковая стихия чаще всего соотносится с пейоративным стилистическим значением входящей в нее лексики. А оценочная семантика слова <...> тяготеет к регулярной актуализации в эмоциональных высказываниях, заражая «рассудку вопреки» эмоцией самое оценку» [20, с. 60]. Следует подчеркнуть, что все экспликативные функции (дескриптивна, аксиологическая, катарсическая, стилеразличительная) взаимосвязаны между собой.

Номинативная функция инвективов может быть разного содержания, например, лексемы *мразь*, *чмо*, *барахло*, *тварь* и под. (насчитывают около 60 бранных слов) обладают размытым объемом диктумной информации, то есть содержательным объемом: «бранные слова (черт, падла, скотина, сволочь и т.д.) приближаются к междометиям, теряя свою номинативную функцию» [90]. Е. Ф. Петрищева считает отсутствие номинативной функции одним из критериев отличия бранной лексики от эмоционально окрашенной лексики небранного характера [73, с. 175].

Волюнтаривная функция как воздействующая является основной при инвективном общении: «оценочное высказывание стремится повлиять на адресата, а через него и на ход практической жизни» [2, с. 60]. Языковые средства выражения воздействия могут быть различными – эмоционально-

оценочные слова с отрицательной коннотацией, разностилевые средства и др., используемые с целью понизить «понизить социальный статус адресата или уровень его самооценки, нанести моральный урон. Во вторую очередь, через оскорбление и обиду может преследоваться практическая цель – добиться изменения поведения адресата» [34, с. 23], также такая лексика может выполнить воспитательную функцию: «оценочное высказывание уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения. Оно воспитывает нормы поведения». «В сущности, цель употребления оценочных слов состоит в обучении стандартам, общим принципам выбора» [2, с. 6; 53].

Интересно, что инвективная лексика может играть роль объединяющей лексики, реализуя фатическую (контактоустанавливающую) и социализирующую функции. Говорящим важно не то, что они говорят, а как они выражают свои мысли, поэтому инвективы позволяют принять говорящего «за своего». В. И. Жельвис отмечает, что «сплошь и рядом инвектива есть просто способ осуществления фатического общения» [32, с. 137]. Реализация социализирующей функции инвективов позволяет определить говорящего «как представителя той или иной общественной группы» [16, с. 25].

Благодаря социальной функции инвективы сравниваются с жаргонизмами. А. Н. Баранов рассматривает жаргон с двух точек зрения – изнутри и извне. Инвективная лексика в такой функции не воспринимается социальной группой как оскорбительная, а понимается как жаргонизм [5, с. 304–317]. В. И. Жельвис обратил внимание на то, что «табу-семы в составе просто добавляемых «для связи слов» инвектив могут приобретать в речи настолько естественный вид, что эмоционально нагруженным оказывается как раз неиспользование соответствующих слов» [34, с. 24].

Эстетическая («поэтическая» по терминологии Р. О. Jakobsona) функция инвективов может служить украшению речи, дополняя коммуникативную функцию. В бытовой коммуникации эта функция практически не реализуется,

ее сферой приложения выступает художественный контекст, позволяющий отнести персонажа к определенной социальной среде.

О. В. Саржина, рассуждая о функциях инвективов в соответствии с целью коммуникации, подчеркивает: «Задача юрислингвистической экспертизы определить, какая же из перечисленных потенциальных целей является ведущей в конкретном речевом акте» [90].

Выводы по первой главе.

Литературная лексика нормирована и кодифицирована, обслуживает все сферы функционирования литературного языка, представлена в письменной и устной форме.

Нелитературная лексика не обладает литературной нормативностью, представлена устными формами существования национального языка (диалекты, арго, жаргоны, просторечие, профессионализмы).

Понятие «внелитературная лексика» в большей степени применимо при анализе художественных средств выразительности. Хотя этот термин используется специалистами при проведении судебно-лингвистической экспертизы (психолого-лингвистический аспект).

При проведении лингвистической экспертизы используются различные термины, характеризующие нелитературную лексику: неприличная, нецензурная, инвективная, бранная, вульгарная, сниженная, грубая, оскорбительная лексика.

Исследователи внесли пояснения, которые позволяют точно отражать понятия, а именно: к *нецензурным словам* отнесены 4-5 лексем, начинающихся на «х», «п», «е», «б», называющие половые органы мужчин и женщин; синонимом этому термину выступает термин *неприличные средства языка* (также отражает табуированные понятия); *инвективные, бранные и обценные* слова и выражения практически синонимичны, только одни преследуют оскорбительную цель, а *обценные* отражают экспрессивную реакцию в виде брани на происходящее; *вульгарные* слова – это грубые слова и выражения, употреблённые в литературном языке; *грубая* лексика выступает синонимом

оскорбительной лексики; а под *оскорбительной* лексикой понимается вульгарная, бранная и нецензурная лексика в целом.

Литературная инвективная лексика обладает высоким экспрессивным потенциалом, передает положительную или отрицательную оценку, имеет в толковых словарях пометы (бран., вульг., неодобр., презрит. и др.), характеризуется социальной маркированностью (разг., грубо-прост., жарг. др.).

Нелитературная инвективная лексика (бранные слова и выражения) имеет пометы «бранное», «вульгарное», «грубо-прост.», выполняет цель унизить и оскорбить.

Таким образом, существующая терминологическая вариативность может вызывать затруднение при проведении лингвистического анализа текста на предмет содержания в нем лексико-фразеологических средств, имеющих оскорбительный характер.

Глава 2 Нелитературная лексика в художественном контексте

2.1 Эстетическая функция нелитературной лексики

Как было отмечено, существуют разные традиции использования терминов «нелитературная» (В.В. Виноградов, Д.Э. Розенталь и др.) и «внелитературная» лексика (Е. Ф. Петрищева, О. Н. Емельянова, Л. Г. Самотик, Ж. А. Джамбаева и др.). По отношению к художественному контексту современные исследователи пользуются термином «внелитературная» лексика. «Внелитературная лексика – это слова и словосочетания, а также их отдельные значения, находящиеся за пределами лит. языка. К ним относятся диалектизмы, вульгаризмы, жаргонизмы и арготизмы, просторечия и другие» [30]. Отмечено, что указанные языковые единицы могут пополнять систему русского литературного языка, так как обладают экспрессивным, эмоционально-оценочным значением. Такие единицы используются в художественных и публицистических текстах как средство создания образа, в качестве стилистического средства.

Внелитературная лексика определена как лексика, относящаяся к лексико-фразеологической системе русского национального языка, ядро которого составляет литературный язык. Л.Г. Самотик указывает, что понятие внелитературная лексика подвижное и определено следующими признаками:

- эта лексика крайне редко включается в толковые словари современного русского литературного языка,
- эта лексика отличается от лексем, которые отражены в толковых словарях с различными пометами (обл., прост., устар., ист., спец.),
- у этой лексики могут быть запретительные пометы [87].

С другой стороны, эта лексика получает лексикографическое описание в новейших толковых словарях русского языка, специальных и ненормативных словарях русского языка. Например, ««Новый академический словарь» ставит перед собой задачу показать лексическую систему в ее функционировании, т. е. стремится отразить действие системы в различных

сферах и в разных ситуациях. По сути дела, речь идет здесь о двух разных реальностях: о лексической системе (лингвистический объект) и лексике, представленной в употреблении (объект социальный, исторический и культурный)» [91, с. 7].

Л.Г. Самотик уточняет понятие внелитературная лексика: «диалектизмы, просторечия, жаргонизмы, историзмы, архаизмы, экзотизмы, нациолектизмы ..., не отмеченные в словарях литературного языка». Ученый подчеркивает, что в это понятие не входит «понятие инвективная (обценная) лексика, мат и т. п. как табуированные обществом элементы языка», также «не выделяется специальная внелитературная лексика, которая рассматривается как профессиональная жаргонная» [88].

Внелитературная лексика представляет особый социокультурный феномен национального языка. Ученые отмечают некоторые трудности выделения групп внелитературной лексики. Поэтому такие пометы как «разговорное» и «просторечное» в толковых словарях русского языка указаны непоследовательно, потому что степень сниженной коннотации определяется достаточно трудно. Диалектное слово также может быть рассмотрено как просторечное (*энтот, выпимиши, дюже* и др.).

Например, диалектные слова характеризуют язык жителей определенной местности и используются в языке с целью создать местный колорит, передать особенности речи персонажей, создать экспрессию. Причем, автор порой сразу вводит пояснение в текст, например: «Все вечера, а то и ночи сидят (ребята) у *огончиков*, говоря по-местному, да пекут *опалихи*, то есть картошку» (Ф. Абрамов) [30].

Просторечная лексика характеризует речь малообразованных людей, отличается оттенком упрощения, грубоватостью, сниженностью, О. Н. Емельянова отмечает, что на просторечие большое влияние оказывают диалекты и жаргоны. В литературных произведениях такая лексика используется для создания экспрессии речи персонажей: *отродясь, давеча, завсегда, шоферá, мóлодежь* и др. [30]. Различают лексику допустимую в

обиходной сниженной городской и сельской среде и лексику грубого просторечия, которая нарушает нравственные нормы, потому что она служит средством негативной оценки субъекта или объекта действительности.

Такие грубые просторечные единицы называют вульгаризмами, к ним отнесены бранные слова и выражения, также фамильярная лексика. В настоящее время такие средства используются в художественном контексте, публицистике и СМИ. Например, художественный контекст: «Нами лирика в штыки неоднократно атакована ./ Ищем речи точной и нагой. / Но поэзия – *пресволочнейшая* штукавина, / Существует – и ни в зуб ногой» (В. Маяковский).

Вульгаризмы нередко рассматривают в рамках жаргонизации речи, они функционируют как экспрессивно-стилистические средства языка, выступая синонимами литературных слов. Например: «Ср.: *лицо – харя, морда, рожа, рыло; кушать – жрать, лопать, трескать; плохой человек – сволочь, скотина, гад, подлец* и т.д.» [30]. Такие лексемы также служат средством экспрессии в художественном тексте, выступают как характерологическое средство: «А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосья на двор и *отчесал* шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной *мордой* начала меня в *харю* тыкать» (А. П. Чехов. Ванька). Такие единицы выступают в качестве языковой игры, передают ироническое отношение к герою или происходящим событиям.

Жаргонизмы, как языковые единицы, используемы в определенной социальной среде, также выступают в художественном тексте способом речевой характеристики персонажей, маркируют его как субъекта социальной группы, указывают на уровень культуры. По замечанию ученых, такие единицы обладают большим семантическим объемом, что позволяет им точно передавать эмоционально-экспрессивный характер коммуникации. Например:

рвать когти, делать ноги – быстро убежать. В целом, употребление жаргонизмов в речи делает её вульгарной.

Арготизмы стоят особняком, так как отражают речь замкнутой социальной группы, сообщества (театральная среда, военная, преступная, спортивное сообщество и др.). Нередко арготизмы проникают в узус и становятся широко известными, типа *на халяву* (даром), *шмотки* (вещи), *стоять на стреме* (сторожить) и др. В художественном контексте также используются как стилистическое средство выразительности, дают речевую характеристику персонажей, описывают среду коммуникации.

Таким образом, внелитературная лексика:

- 1) выполняет в художественном контексте эстетическую функцию, формируя идиостиль писателя [44];
- 2) в литературном произведении такая лексика характеризует речь персонажа (например, крестьянина или малообразованного человека);
- 3) выступает как изобразительно-выразительное средство [111, с. 91];
- 4) является особым стилистическим средством русского языка: «стилистически окрашенные слова, а также лексика ограниченного употребления: диалектизмы, просторечная лексика, арготизмы, профессионализмы, архаизмы, историзмы, неологизмы» [94]; язык художественной литературы «использует кроме нормативных внелитературные языковые средства» [50, с. 796].

Таким образом, отмечаем единство группы внелитературной лексики благодаря социальной окрашенности, которая содержит в себе дополнительную информацию: «Она может характеризовать текст как принадлежащий определённой национальной группе людей, профессиональной, региональной, относящейся к какому-либо историческому периоду, возрастной или собственно социальной» [88].

2.2 Художественное произведение в аспекте лингвистической экспертизы

Художественный текст может стать объектом лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Известны исследования в этой области ученых Е. И. Галяшина [23], Н. Д. Голев [24], [25], Н. Б. Лебедева [55], О. Н. Матвеева [65] и др.

Использование в художественном и публицистическом тексте нелитературных средств языка или литературных средств в инвективной функции представляют достаточную сложность для анализа, так как находятся в рамках ряда проблемных вопросов. Эти вопросы обозначены О. Н. Матвеевой следующим образом: «Освобождает ли от ответственности использование автором художественной формы? ... Основывается ли квалификация художественного текста в рамках лингвистической экспертизы на традициях его филологической интерпретации либо она исходит из других презумпций? В какой степени возможно ассоциировать героев художественного произведения, в том числе автора, с реальными людьми?» [65]. Судебная практика идет двумя путями: «в первом случае игнорируется специфика объекта как художественного произведения, в другом случае это становится решающим фактором экспертной лингвистической и итоговой юридической квалификации» [65].

Эксперт учитывает перлокутивный эффект унижения и оскорбления, но имеется ли в художественном тексте указание на конкретное лицо? Хотя в сатирическом произведении образы узнаваемы, но художественный образ нельзя рассматривать в контексте соответствия действительности или несоответствия: «словесное искусство отделяет образ от оригинала: образ локализован в сознании, а оригинал – в действительности» [2, с. 632].

Для художественной выразительности автор использует различные изобразительные средства: «Для художественного текста понятие нормы оценочного суждения в юрислингвистическом аспекте неприменимо» [65]. Иллокутивная сфера художественного текста связана с познанием

посредством художественных образов, поэтому «авторские интенции по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации остаются за рамками юридической квалификации» [65].

Для создания образов авторы художественного текста используют различные литературные и нелитературные средства языка, также инвективные. Такие слова и выражения в инвективном употреблении выполняют эстетическую функцию и поэтому понятие «неприличная форма» к ним не применимо: «бранные и оскорбительные слова (*негодяй, дурак* и пр.) не пристаю́т к человеку так прочно, как метафорический образ... Метафора часто содержит точную и яркую характеристику лица. Это приговор, но не судебный» [2, с. 373].

Инвективная лексика в художественном контексте выполняет следующие функции: 1) передает правдивость повествования; 2) описывает происходящие действия; 3) отражает пространственно-временной отрезок действия; 4) указывает на место действия; 5) характеризует речь вербальную и невербальную, также внешность и поведение персонажей; 6) указывает на этническую или национальную принадлежность, вхождение в определенную социальную группу и др.

Таким образом, ученые сходятся во мнении, что особенности художественного текста создают определенные трудности для определения его как объекта лингвистической экспертизы. С одной стороны, в тексте могут быть языковые единицы, которые содержат в себе признаки языкового правонарушения, с другой, эти языковые средства выполняют эстетическую функцию и не могут быть рассмотрены в аспекте правонарушения. «В целом очерченная область пока поставляет гораздо больше вопросов, чем существует ответов в сфере теоретической юридической лингвистики и практического судебного речеведения» [65].

2.3 Нелитературные элементы в речи персонажей романов А. Марининой «Игра на чужом поле», «Шестёрки умирают первыми», «Стилист», «Стечение обстоятельств»

При анализе произведений А. Марининой мы будем использовать термин «нелитературная лексика», так как в объем понятия «внелитературная лексика» не включены профессиональные единицы.

Как было отмечено учеными, в жанре детективной литературы уже заложены определенные лексико-фразеологические средства, которые задают тон повествованию и характеризуют профессиональную деятельность сотрудников уголовного розыска и язык преступной среды. К таким средствам речевой коммуникации отнесены профессионализмы, жаргонизмы, нелитературное просторечие.

Динамический сюжет требует от автора использования глаголов действия, в романах были выделены глагольные жаргонизмы и профессионализмы. Например, в указанных произведениях А. Марининой «Стечение обстоятельств» (1992), «Игра на чужом поле» (1993), «Шестёрки умирают первыми» (1995), «Стилист» (1996) представлено большое количество профессионализмов – *покрыть махинации, собираться давить, отрабатывать версии, возбудить дело, разрабатывать преступника, взять на карандаш* (в разработку), *взять на кнопку* (прослушивать телефон), *отрабатывать версии* (проверить предположение на практике) и др. Ср. примеры:

«Да врет он, – решительно махнул рукой Виктор Алексеевич. – Врет и не краснеет. Он наверняка в сговоре с «Шерханом», *покрывает их налоговые махинации* ... Оксана, разумеется, прекрасно обо всем знает, потому и кинулась к Устинову, когда *урки* пригрозили ее убить, если Есипов денег не даст, а Есипов как раз и *не собирался их давать*» [62, с. 401]; «И как его *возбудить*, это дело, если сам Соловьев молчит, как воды в рот набрал, и не желает вступать ни в какие разговоры о причинах своей внезапной тяжелой болезни?» [62, с. 417]; «Почему врать-то? – искренне возмутилась Настя. –

Ничего не врать. Мы *отрабатываем все возможные версии*, обычное дело» [62, с. 418]; «Доценко с манекенщицей закончил, так что Идзиковского будут *разрабатывать* он и Ларцев. Коротков пока занят Плешковым, так что свои «двести» будешь *отрабатывать* сама, – заключил Гордеев» [61, с. 84].

В речи сотрудников полиции отмечаются устойчивые словосочетания-жаргонизмы, используемые в преступной среде – *быть под кайфом* (находиться в наркотическом или алкогольном опьянении), *дать на лапу* (дать взятку), *вешать лапшу* (врать), *сажать на иглу* (сделать наркоманом) и др., также лексемы-жаргонизмы – *ходка*, *ходок*, *сходка* и др. Например:

«... Гусько, сорока шестилетний *матерый вор*, имеющий за плечами пять *ходок*, выросший в тот период, когда традиции еще соблюдались и нравы были крепки» [62, с. 397]; Приедут, в дом выйдут – и до следующего дня. Потом выйдут, по машинам рассядутся – и привет. Я уж подумал, *сходка* у них там политическая. К выборам-то» [62, с. 426]; «Мальчишек с первого же дня *сажали на иглу* и держали их постоянно *под кайфом*, пока они не умирали» [62, с. 428] и др.

Ряд жаргонных выражений вошли в профессиональное общение работников уголовного розыска – *убрать* (убить), *рвануть* на свободу (сбежать или уйти от обязательств), *отловить* (найти преступника), *линять* (скрываться с места преступления), *порешать* (уничтожить), *втереться в доверие* (стать своим), *расколоться* (сознаться) *накопать* (найти информацию), *не светиться* (не показываться) и др. Интересно, что в профессиональной среде такие единицы практически теряют ярко выраженную экспрессию и переходят в разряд разговорно-просторечных форм (*повесить лапшу на уши*, *убийство повесить*, *пользоваться блатом*, *липовые справки*, *не нюхал жаренного* и др.). Например:

«Как ты думаешь, на нас это *убийство повесят* или Центральный округ своими силами обойдётся?» [63, с. 4]; «Собеседование с ней проводил какой-то нервный тип с лошадиным лицом, но ей понравилось, что он не стал *вешать лапшу на уши*, а сказал ей все как есть» [63, с. 20]; «Значит, она, во-первых, не

такая уж *важная шишка*, если стесняется *пользоваться блатом*, а во-вторых, «бедная, но гордая»» [59, с. 13]; «Хотите, я назову фамилии следователей, которые прекращали с вашего благословения уголовные дела по *липовым справочкам* о неизлечимом заболевании подследственного и которые с вами делились?» [61, с. 105].

Основной пласт лексем и фразем в речи сотрудников уголовного розыска и преступников содержит просторечные элементы со сниженной окрашенностью – *окрыситься, качать права, ломиться, вдолбить, не допереть, рыло, подонок, репа* (голова), *жратва* (еда) и др. Например:

«– А что я должен ему отвечать? – *окрысился* Шульгин. – Откуда я знаю, почему вы не записали мои показания в протокол? Чего вы меня запугиваете?» [63, с. 19].

Хотя отмечается использование разговорно-просторечной лексики нейтрального содержания, типа *подбросить, проморгать, накрутить себя, возиться, выложить информацию, свести с нужным человеком* и др.

Жаргонные, просторечные и профессиональные слова составляют большой лексико-фразеологический пласт. Не вызывает сомнений тот факт, что используемые А. Марининой лексемы и фраземы создают:

1) тематическое поле уголовной и профессиональной коммуникации персонажей романов (типа *правовое регулирование вопросов, рванет на гражданку* и др.):

«И Геннадий составил план, в соответствии с которым он будет углубленно изучать *правовое регулирование вопросов*, связанных с недвижимостью, после окончания вуза поработает в милиции, пока не выйдет из призывного возраста, а потом *рванет на гражданку* и устроится юристом в риэлтерскую фирму» [62, с. 300];

2) служат средством создания образов, их речевой характеристикой (*рылом не вышла*):

«К нему я, конечно, не пойду, *рылом* не вышла. К гендиректору пойдёт Юра Коротков» [63, с. 17];

3) передают экспрессивную тональность коммуникации, оценки происходящих событий:

«Но, если, *упаси бог, что-нибудь случится*, завтра здесь окажутся люди из МВД России. Кто знает, что они здесь *накопают*» [59, с. 7];

4) отражают особенности авторского повествования:

«Как ни грустно в этом признаваться, убийство в доме Соловьева обещало остаться *висяком*» [62, с. 416]; «Любой человек ... сталкивается практически со всеми *розыскниками* и следователями города Москвы» [61, с. 41].

Встретился случай жаргонного окказионального образования *проинтуичил*:

«Не *унюхал* запаха жареного, не *проинтуичил*, что задание-то может оказаться смертельно опасным» [62, с. 399].

Динамика повествования требует введение в текст большого количества глаголов действия, было отмечено 49 единиц глаголов-жаргонизмов, повествовательный план определяют 40 жаргонизмов существительных, 7 прилагательных (типа *казанное убийство, левый тираж* и др.) и др. Такое распределение говорит о том, что глагольные формы отражают динамику действий (*надуть, убрать, рвануть, лиять, отловить, расколоть, накопать, светиться* и др.), а именные формы отражают характер номинации (*урки, висяк, домушник, сыскарь, разборки, братва, ствол, хмырь, очняк* и др.). В целом наряду с указанными функциями реализуется фатическая функция, которая отражает коммуникацию в рамках «свой – чужой», нередко эмоционально-экспрессивная форма коммуникации передает ироническую коннотацию.

Таким образом, просторечие, жаргонизмы и профессионализмы уголовной и правоохранительной коммуникации достаточно органично вплетены в контекст произведений А. Марининой. В языке художественной литературы мы можем наблюдать «все литературные и нелитературные разновидности национального языка» [52, с. 135], они указывают на принадлежность персонажей к определенной социальной группе или

профессиональному сообществу, передают отношение к происходящим событиям и характеризуют коммуникантов, номинируют события и участников коммуникации.

2.4 Некодифицированная лексика в романе А. Марининой «Другая правда»

Изучению некодифицированной лексики в различных контекстах посвящены труды С. М. Потапова [80], Ф. И. Рожанского [84], И. А. Стернина [97], И. Юганова [112] и др. Работы достаточно многочисленны, известны словари жаргона различных социальных групп, словари русского просторечия и русской разговорной экспрессивной речи В. В. Химик [103], Т. А. Распопова [83], Е. И. Беглова [8] и др. разрабатывают классификацию некодифицированной лексики, обращают внимание на использование данной лексики за пределами системы литературного языка, а также её проникновение в литературный язык, предлагают изучать лексику социально-ограниченного употребления в когнитивном и культурно-речевом аспектах.

В настоящей работе в качестве базового принимается следующее определение: «Термином «некодифицированное слово» обозначается слово, находящееся за гранью русского литературного языка, т. е. за пределами лексической нормы языка, но являющееся либо лексической единицей русского национального языка (просторечное, диалектное, жаргонное, профессиональное), либо его потенциальной языковой единицей (неологизм, окказионализм)» [8, с. 17-18].

Рассмотрим некодифицированные языковые единицы в романе М. Марининой «Другая правда» (2024) [58]. В произведении А. Каменская обучает молодого коллегу сыскному мастерству на основе старого архивного дела и вместе с ним пытается восстановить справедливость. Жанр детективного расследования и контекст романа «Другая правда» предопределяют активное использование некодифицированных единиц, обусловленных профессиональной деятельностью персонажей произведения.

Предметом исследования выступила некодифицированная лексика и фразеология романа, их семантика и коммуникативно-прагматическая роль в тексте. Будем учитывать тот факт, что выявленные нами языковые средства отнесены к некодифицированной сфере языка художественного произведения, используемые автором в соответствии с идейно-эстетическим замыслом. Указанный аспект представляется актуальным, потому что изучение функций разговорно-профессиональной лексики в художественном контексте позволит показать сближение лексики ограниченного употребления с социально-оценочной лексикой литературного языка.

Изучение языка произведения «Другая правда» позволило выявить следующие особенности профессионального общения правоохранительных органов.

Отмечается активное функционирование жаргонных слов. Например, *головняк, движуха, отмазать, повязать, баблишко, малява, дурь, фуффло* и др. Ср. примеры:

«Вроде проноса в следственный изолятор *малявы* или *дури*» [58, с. 81]; «За что его *повязали*?... *баблишко* водится» [58, с. 82]; «Зачем мне этот *головняк*?» [58, с. 93] и др.

Выделена большая группа фразеологизмов преступной социальной группы, типа *обнести хату, данные светить, давать фуффло, базар фильтровать* и др.:

«Он, поди, уже у половины города *хаты обнес*» [58, с. 21]; «началась *движуха*» [58, с. 44]; «за деньги сфабриковали дело против него, чтобы *отмазать кого-то*» [2, с.46]; «*данные светить* не хотели... *давят фуффло* в глаза партнерам по бизнесу» [58, с. 91]; «*Базар*, как говорится, *надо фильтровать*» [58, с. 94] и др.

В тех случаях, когда используемый жаргонизм не имеет широкого функционирования (типа *решальщики*), является принадлежностью узкопрофессиональной сферы или требует контекстуального уточнения (*не наварить, лохушка*), то автор вводит пояснение, также использует кавычки,

как способ подчеркнуть особенность семантики жаргонной лексики, например:

«В те годы адвокаты были разными. Были юристы старой школы, но появились и новые, так называемые *решальщики* (жарг.), задачей которых было выступить связующим звеном между криминалом и государством, договориться, *занести конверт* и решить вопрос» [58, с. 79]; «он быстро понял, что на этом деле *не наварить*. Денег не будет» [58, с. 83]; «Следователь – Рита Лёвкина, с ней не забалуешь, она не *лохушка* какая-нибудь, которая наделает мелких ошибок» [58, с. 84]; «и про сращивание правоохранительных структур с криминалом, *крышевание*, конверты с деньгами, которые в те годы стали называть "*котлетами*"» [58, с. 97] и др.

Хотя контекст нередко помогает понять значение слова: «Кто проводил *очняк*? Лёвкина или Гусарев?» [58, с. 176].

Отмеченные случаи не только раскрывают особенности мышления социально-профессиональной среды, но и обладают эмоционально-экспрессивной тональностью. В большинстве случаев нами отмечена идиоматичность конструкций, редко отдельная единица способна передать жаргонное значение. Например, лексемы *повязать*, *дурь*, *обнести*, *грохнуть*, *пасти* и др. могут реализовать свое жаргонное значение в результате семантической деривации сленга только в устойчивой конструкции:

«*На китайскую лапшу порвался*», «*хату обшмонать*» [58, с. 414]; «*Да грохнуть их всех* – и все дела, – выдала Настя первую версию» [58, с. 379]; «*бывалый сиделец*» [58, с. 361]; «*загреметь на нары*» [58, с. 353]; «*воры его грели*, так что не бедствовал...» [58, с. 320] и др.

Таким образом, неcodифицированная лексика (в данном случае была рассмотрена жаргонная лексика) в романе А. Марининой отличается разнообразием:

1) такие лексемы, как (*решальщик*, *шестерка*, *лохушка* и др.) передают отрицательную характеристику субъекта, создают речевой портрет персонажей;

2) лексемы (*очняк, терки, пресняк, разводящий* и др.) служат средством интенсификации коммуникации, приемом «убыстрения» передачи информации;

3) лексемы (*обшмонать, крышевать, следаки, опер, кореш, стрем* и др.) подчеркивают коммуникативную компетентность говорящих, маркируют «своего», подчеркивают принадлежность к определенной социальной среде, то есть выступают речевым кодом социальной группы;

4) лексемы выступают средством синонимического уточнения, тем самым создают колорит социальной группы – «...позицию "*разводящего*", помогал бандитам договариваться с бизнесменами»; «работал *стрелочником*, выполнял полезную функцию урегулирования сложных отношений между ворами и финансами» [58, с. 301];

5) выполняют игровую функцию, также смеховую, оценочную или экспрессивно-выразительную функцию, которая имеет социально, а не индивидуально окрашенный характер – «*Крышует*, что ли? – Песни им сочиняет» [58, с. 212].

Соотношение освоенной жаргонной и профессионально ограниченной лексики в романе М. Марининой «Другая правда» таково, что преобладает мотивированное использование лексем и фразем общего жаргона, профессиональные жаргонизмы вводятся в текст в кавычках или при помощи развернутого пояснения. Как жанрово образующий фактор некодифицированные единицы (в данном случае, жаргонизмы преступной среды) имеют определяющее значение в детективном романе, выполняют стилеобразующую и экспрессивно-оценочную функцию, характеризуют язык преступной социальной группы, которым владеют и правоохранительные органы.

2.5 Место нелитературной лексики в романах А. Марининой «Другая правда», «Безупречная репутация», «Отдаленные последствия»

Изучение романов А. Марининой «Другая правда» (2019), «Безупречная репутация» (2020), «Отдаленные последствия» (2021) с точки зрения использования автором женского детектива (которая ставит перед собой интеллектуальную задачу) нелитературных средств в изобразительно-выразительной функции, показало следующее.

Так, просторечная и вульгарная лексика в произведениях А. Марининой занимает значительное место. Наиболее широко представлены глаголы действия – *сварганить* («устроить как-нибудь, смастерить»); *вякнуть* («сказать, произнести, мямлить, заикаться, распространять слухи, болтать»); *напортачить* («сделать что-либо плохо по неумению или небрежности»); *бортануть* («отказать в чём-либо, отвергнуть, оставить ни с чем»); *набычиться* («нахмурившись и слегка опустив голову, смотреть исподлобья; насупиться»); *ошалеть* («потерять способность здраво мыслить, ясно понимать окружающее, происходящее; обалдеть, одуреть»); *шпынять* («укорять, попрекать, донимать чем-нибудь, подтрунивая, издеваясь»); *трепаться* («разбалтывать что-либо, проговариваться о чём-либо»); *якшаться* («общаться, дружить, поддерживать дурные знакомства»); *впахивать* («усердно работать»); *мурыжить* («причинять неприятности, досаждать кому-либо»); *мучить* («заставляя ждать, выполнять неприятные действия»); *талдычить* («повторять, твердить одно и то же»); *наколбасить* («сделать что-либо неправильно, плохо; напортить»); *вломить* («ударить, избить»); *покалякать* («беседовать, разговаривать приятельски, не шумно или о неважном; болтать») и др. Например:

«Сташис понимал, что уже *напортачил*. Непростительно и грубо» [60];
«... нас с Данькой в околоток отвезли, *мурыжили* до ночи, еле отбились» [58];

«У Танюшки окаянства не хватит *бортануть* его» [58]; «– Почему не сегодня? – *набычился* молодой человек» [58]³.

Широко распространено использование просторечных устойчивых словосочетаний *язык распускать* («не сдерживая себя, теряя над собой контроль, проговариваться, говорить лишнее»), *губы раскатать* («предвкушать получение чего-либо»); *крутить хвостом* («хитрить, лукавить»); *чертова уйма* («очень много чего-либо»); *каждый пук и чих* («на каждое событие, даже малозначительное, предпринимать какие-либо действия, реагировать, откликаться как-либо»); *от балды* («без всяких на то оснований; необдуманно»); *на кривой козе не объедешь* («не обманешь, не проведёшь, не перехитришь кого-л.»); *на мази* («идёт, развивается успешно; близко к осуществлению, о благоприятном ходе дел, о состоянии чего-либо»); *ёлки-палки* («выражение восхищения или недоумения, досады»); *пошло-поехало* («что-либо началось и продолжается всё дальше и интенсивнее») и др. Например:

«Тебе об учебе нужно думать, о поступлении в институт, а ты *хвостом крутишь*, со всякими проходимцами *якшаешься!*» [58]; «... чтобы *каждый пук и чих* был задокументирован и доказан, иначе в суде не пройдет» [60]; «Или ему адвокат ясно дал понять, что все *на мази*, со всеми договорился, следователям дал, судье тоже конверт занес...» [58] и др.⁴

³ См. еще примеры: «Первые большие деньги сделал на рубеже девяностых на импорте компьютеров, *ошалел* от открывшихся возможностей красивой жизни» («Другая правда»); «-Ну Анастасия Павловна, ... Вы меня все время *шпыняете*» («Другая правда»); «... я немного помню этого человека и могу точно сказать, что быстро бегать он не стал бы, а остановиться и *потрепаться* всласть - милое дело» («Другая правда»); «Все кругом живут как люди, один я как каторжный *впахиваю*» («Другая правда»); «Клим, любовник Аллы, фантаст недоделанный, и тот все время *талдычит*, что следователи-взяточники – это отстой, тема затертая, никого не заинтересует» («Другая правда»); «Ведь только в воскресенье его вытаскивали из полиции за топорную попытку вступить в контакт с бывшим следователем Лёвкиной, и уже сегодня, в четверг, он снова *наколбасил*» («Другая правда»).

⁴ См. еще примеры: «Умный он парень, этот Шубин, но ошибок понаделал *чертову уйму*» («Отдаленные последствия»); «Ну что за *ёлки-палки* на мою голову!» («Отдаленные последствия»); «А ты небось *губы раскатал*, ждешь, что я тебе сейчас на Пулитцеровскую премию наговорю?» («Другая правда»).

Интересно, что автор отмечает некоторые экспрессивные формы, заключив их в кавычки типа «от балды», «нужный», «по ту сторону барьера», например:

«Плохо, что на одну сволочь приходится человек двадцать тех, кого посадили просто так, *«от балды»*, по чьему-то заказу или для отчетности» [60]; «Кого ей в помощь дать? Да этого ее хахаля, все равно от него в *"нужных"* делах никакого толку» [58]; «И Карга Валентиновна, и ребята знали об этом только понаслышке, никто из них не был по-настоящему *"по ту сторону барьера"*» [60].

Аналогично отмечает некоторые жаргонные лексемы кавычками, тем самым подчеркивает нелитературное употребление лексем «наружка», «гестаповцы». Например:

«Москвину *на кривой козе не объедешь*, она сама из *«наружки»*, с двумя имеющимися экипажами с ней много не наработаешь» [60]; «Есаков еще этот вылез не по делу, с *"гестаповцами"* пришлось объясняться» [60]; «*"Гестаповцы"*, само собой, решили бы вопрос в разы быстрее и проще, но тут уж... сами понимаете...» [60].

Хотя большинство жаргонизмов, широко известных и понятных читателю, используются без кавычек, как глагольные формы (типа *повестись* («позволить вовлечь себя во что-либо»); *облажаться* (из жаргонного употребление лексема входит в просторечное использование «потерпеть неудачу»), так и существительные типа *следак* («следователь»), опер («оперативный работник») и др. Например:

«В прежние времена *следаки* всю душу вынимали из *оперов*, чтобы каждый пук и чих был задокументирован и доказан, иначе в суде не пройдет» [60].

В романах А. Марининой широко распространены существительные-жаргонизмы, которые номинируют объекты и субъекты, например: *общак* (крим. жарг. «вещи, продукты в общем пользовании»); *тусовка* (лексема жаргонного употребления получила помету разг. «мероприятие

развлекательного характера либо группа людей по интересам»); *понт* (крим. жарг. «гонор, демонстрация превосходства»); *кент* (жарг. «парень»); *косяк* (жарг., разг. «оплошность, ошибка, неудача»); *беспредел* («беззаконие»); *братва* (жарг., разг. «приятели, друзья»); *косарь* (жарг. «одна тысяча рублей»); *кипеж* (жаргонное употребление становится просторечным употреблением «бурное выяснение отношений»); *стукач* (жаргонное употребление входит в разговорно-просторечную среду, неодобр. «доносчик»); *шестерка* (жарг., угол. «мелкий исполнитель, прислужник») и др. Например:

«Оксана, разумеется, прекрасно обо всем знает, потому и кинулась к Устинову, когда *урки* пригрозили ее убить» [59, с. 401]; «Значит, она, во-первых, не такая уж важная *шишка*, если стесняется пользоваться *блатом*, а во-вторых, «бедная, но гордая» [59, с. 13]; «Нет, – улыбнулся Денисов, отпивая маленькими глотками коньяк. – Я в *дележе* не участвую. Я обеспечиваю вам безопасные условия существования, а вы за это содержите меня и мой аппарат» [59, с. 7].

Высокая частотность употребления нелитературной лексики в художественном контексте определена не только темой повествования, но и широким использованием подобных средств в узусе в связи с ее емкостью, экспрессивностью и эмоциональностью, поэтому читатель раскодирует информацию, она не представляет трудностей для понимания происходящего в художественном пространстве.

Таким образом, жаргонные, просторечные и вульгарные средства языка выступают в большей степени для усиления выразительности и экспрессивности повествования, позволяют автору создать образ персонажа, передать его настроение и дать оценку происходящему.

В романах уделено внимание описанию физического и эмоционального состояния персонажей, использовано большое количество просторечной и грубо просторечной лексики и фразеологии, бранных слов. Например:

«Сука! Сука! Сука! Какого черта она поперлась в это кафе? Что она там забыла?» [57]; «– Ну! – подтвердил Аржо. – *Гнида*, – согласился Мародер» [57]; «Хоть и *придурковатый*, но сын все-таки» [57]; «Женька Есаков такой дурак, *задницу рвет*, чтобы оказаться на Петровке» [60]; «У тебя же мой мобильник под рукой, *козлина*, возьми и посмотри, чего спрашивать-то?» [57].

В текстах отмечены грубые и бранные слова и выражения, служащие характеристикой персонажей и социальной среды, например:

«Врала мамаша-то, – подумал Елисеев. – Нет у них ничего. А если и есть, то сейчас *хрен* дорого продашь, ни у кого денег нет» [58]; «*Однопарашники*, – сухо ответил Артем. – Сидели вместе» [60].

Оценочность выражена в реализации в тексте атрибутивной функции грубого просторечия. Например:

«*Безбашенные* идиоты...» [58]; «Пенсионерка, *ветошь рваная*. *Вобла сушеная*» [58]; «сушеная вобла будет покупать для своей старой *морщинистой* задницы новомодный унитаз» [58]; «*Старая зануда*. *Сушеная вобла*. Логика вообще ни грамма, одно упрямство» [58]; «Я – *неблагодарная сволочь*» [58]; «*Ни хрена* эти опера не добились» [60].

Экспрессивная оценочность передана зооморфной характеристикой *курица, мышь, осел, котик, щенок*, например: «Она не *курица* доверчивая, а властная и уверенная» [57]; «Сушеная *вобла*. Логика вообще ни грамма, одно упрямство» [58]; «–Побежали *крысы* ... – вздохнул Зарубин» [60]; «– Тащи *щенков*» [60]; «Барбан велел ехать – и я, как послушная *овца*, поперся сюда. Мозги включить забыл. Столько лет в розыске – и так проколоться!» [60].

Таким образом, в качестве нелитературной лексики и фразеологии в произведениях А. Марининой было выбрано и проанализировано 380 единиц нелитературной лексики, из них к жаргонизмам отнесены 118 единиц, в группу сленга были включены 34 единицы, к лексике аргоса – 82 единицы, просторечных слов и выражений было использовано 76 единиц, вульгаризмов – 70 единиц.

2.6 Функции нелитературной лексики в произведениях А. Марининой

Рассмотрим нелитературную лексику, которую А. Маринина использует в своих произведениях, в аспекте выполнения ею определенных функций.

2.6.1 Описательная функция нелитературных средств

Исходя из выделенных в научной полемике функций внелитературной лексики в художественных произведениях [89], рассмотрим функциональную значимость нелитературных лексем и фразем в произведениях А. Марининой «Безупречная репутация», «Другая правда», «Отдаленные последствия».

Моделирующая функция, другими словами, описательная, отражает проявление реалистического метода в художественной литературе. Использование нелитературной лексики в речи героев служит для их социальной характеристики. Так, в романе «Другая правда» бывший оперуполномоченный МУРа Анастасия Каменская, ныне являющаяся сотрудницей детективного агентства, часто выражается с использованием в речи нелитературных языковых единиц с негативным оценочным значением, пренебрежительным или неодобрительным: «Устроить из этого *погремушку*, которой можно потрясти на совещаниях, оперативках, в сводках и в СМИ, это ж милое дело! Честь мундира, престиж службы и прочая *фигня*» [58, с. 400].

Зачастую в своей речи Каменская использует жаргонную лексику, связанную с ее продолжительной службой в органах внутренних дел и невольным заимствованием в речь языковых единиц, используемых деклассированными и преступными элементами:

«Как только сворачиваешь с главной дороги – все, *кранты*» [59, с. 28];
«Я уже в таком возрасте, когда *облажаться* стыдно» [58, с. 17];

Характеризует речь героини фразеологические элементы со сниженным значением (*тянуть жилы, продаться с потрахами, напрячь извилины* и др.):

«Владик, заканчивай *тянуть из меня жилы*, говори уже» [58, с. 10]; «В кодекс смотреть не нужно, достаточно просто *напрячь извилины*» [58, с. 61];
«С какого бодуна он пошел в милицию с повинной?» [58, с. 211]; «Лёвкина и

Гусарев *продались с потрохам* и за большие *бабки* посадили невинного» [58, с. 259];

Каменская в ходе своей деятельности общается с разными возрастными и социальными группами, поэтому активно владеет языковыми элементами разных поколений, например, использует нелитературные единицы для наилучшего взаимопонимания с молодым поколением:

«В первые пять лет службы у меня много чего бывало в первый раз, и ни разу не было, чтобы я с первой же попытки поступала правильно. Всегда ошибалась и *косячила*» [Другая правда Т.2, с. 107];

Также использует нелитературные средства с конспиративной функцией, понятной определенному кругу лиц «Надо *подсветить персонажа* по фамилии Щетинин» [58, с. 241], где «подсветить» обозначает «определить местонахождение персонажа, разведать информацию о нем». Так, в романе «Другая правда» Каменской по поручению руководителя предстоит общаться с молодым журналистом Петром Кравченко, расследующим уголовное дело. В свою очередь, журналист использует в речи сленг, присущий как молодому поколению:

«Да, я *лопухнулся*, растерялся, не спросил» [58, с. 107]; «Если дело не в них, стало быть, и люди не серьезные, и *не фиг* их бояться» [58, с. 223].

Используются и жаргонизмы, присущие его деятельности: «Журналист будет пытаться *докопаться* до правды, чтобы написать *убойный* материал» [58, с. 20], где под словом «убойный» подразумевается отличный, замечательный материал; журналист перенимает стиль общения преступной среды для наилучшего коммуникативного обмена с наставником в лице Каменской: «Адвокат ясно дал понять, что все *на мази*, со всеми договорился, следователям дал, судье тоже *конверт занес*» [58, с. 402]; «Странный народ эти москвичи! <...> Никто ни с кем не общается, каждый *вскапывает свою делянку*» [58, с. 384].

Адвокат Елисеев, с которым приходится встречаться журналисту Петру Кравченко, при рассказе о своей прошлой деятельности изобилует жаргонами и грубо-просторечной лексикой, которая вышла из жиаргонной среды:

«Конвертик от адвоката с риском *спалиться* перед операми – в те годы еще было страшновато, да и брезговали многие» [58, с. 403]; «Этого *дерьма* было – ложку не провернуть» [58 с. 90]; «Платят денежки хозяину, указывают красивый адрес для деловой корреспонденции, *давят фуфло* в глаза партнерам по бизнесу» [58, с. 91]; «Время больших денег и большого *фуфла*» [58, с. 92]; «Они знали, что я могу *отмазать* кого угодно, если захочу» [58, с. 92].

Жаргонное употребление связано с профессиональной средой следователя, с одной стороны, и преступника, с другой стороны:

«Сейчас я настоящий адвокат, хоть и не практикую давно, а тогда я был обычным *решальщиком*» [58, с. 94]; «Они знали, как дела делаются и как мир устроен, сами же курьерами между мной и *братвой* работали» [58, с. 94].

Лексика аргó просачивается и в речь представителей надзорно-контролирующей системы. Так, в романе «Безупречная репутация» прокурор Гнездилов использует в коммуникации лексику аргó: «Нельзя брать взятки годами и ничем не расплатиться, эта *малина* рано или поздно закончится» [57, с. 87]. Если для сотрудников государственных органов подобный выбор языковых элементов неоднозначен и вынужден, то среди представителей преступных группировок смотрится органично:

«Исключительно из уважения к твоему хозяину я проведу с тобой разъяснительную работу, а *не вкачу в пятак* без всяких слов» [57, с. 146]; «Тебе нужно не проценты списывать, а искать, где взять *бабок* и как их быстро *прокрутить*» [57, с. 161]; «*Мутный* он был тип, опера все у него *на подсосе* сидели, он им *инфу сливал*» [57, с. 199]; «Кто двадцать лет назад был *малолеткой*, тот теперь *в силу вошел*, многие *в авторитете*, а кто и в политику *двинул*, *компра* на них не помешает. *Сечешь*, к чему я веду?» [57, с. 199].

В романе «Отдаленные последствия» ключевыми героями, участвующими в расследовании преступления, являются бывшие коллеги

Анастасии Каменской, ныне действующие сотрудники «убойного» отдела на Петровке Сергей Зарубин, Роман Дзюба и Антон Сташис, а также прикомандированный к ним молодой сотрудник лейтенант Виктор Вишняков. Речь сотрудников, особенно полицейских со стажем, насыщена нелитературной лексикой, ярко заметной при неформальном общении, выраженной просторечиями: «Тут и ты подъехал, рапорт *накатал* – и в приказ» [60, с. 34]; «Он ничего не рассчитывал и особым умом не обладает, действовал *от балды*» [60, с. 36]; разговорно-сниженной лексикой: «Раньше вопрос можно было *замарафетить* по-тихому: вообще ни одна душа не узнает» [60, с. 38]; «Он и на должность зама еле-еле согласился, его Большой *уломал*» [60, с. 74]; сленговыми выражениями:

«У Кузьмича, *сто пудов*, замечания будут» [60, с. 38]; жаргонизмами: «То есть то, что мы сейчас будем делать, это чистая *туфта*? Мы не убийцу ищем, а *поддержку для штанов?*» [60, с. 399]; аргю: «Большого уже *отымели* наверху по полной» [60, с. 104].

В произведениях «Отдаленные последствия», «Безупречная репутация», «Другая правда» реализуется объединяющая функция, которая позволяет интегрировать персонажей по социальному признаку, включить их в определенные социальные группы. Основными такими социальными группами, выявленными на страницах романов А. Марининой, выступают два противоборствующих класса: сотрудники правоохранительных органов и криминальные элементы. Зачастую язык двух социальных пластов смешивается в результате взаимодействия, нелитературные языковые единицы за счет воспроизводимого экспрессивного эффекта, подвижности в образовании и легкости в запоминании становятся доступными для общего употребления, в результате чего возникает заимствование сотрудниками силовых структур языка аргю и жаргона, не свойственного профессиональному:

«Граждане вообще легко могут запутаться и поверить всякой *лабуде*, которую им в *уши нагонят*, чтобы застрашать и *бабло срубить*» [58, с. 274];

«У родителей наверняка есть, они же *тачку* ему купили, значит, *зубы не на полке, баблишко водится*» [58, с. 82]; «Врать о себе и приписывать себе достоинства, которыми на самом деле не обладаешь, вообще *крантец* для нормального человека» [58, с. 88]; «Время больших денег и большого *фуфла*» [58, с. 92]; «*Базар*, как говорится, *надо фильтровать*. Вот за это Самоедов и получил от меня по полной» [58, с. 94]; «*Дербанят* все эти годы какой-то общий источник доходов. <...> Вместе *замазались* когда-то, вместе и продолжают» [58, с. 140].

Несмотря на проникновение одного типа языка в узус другого, каждый социальный слой имеет свой подязык, чаще всего понятный только тем, кто им активно пользуется. Такое разграничение получает профессиональный жаргон сотрудников правоохранительных органов, бывших и действующих, производящих коммуникацию между собой: «Зина все беспокоилась, не выведывает ли он всякое нужное для *наводки*» [58, с. 321], где под *наводкой* подразумевается информация о преступлении или преступной деятельности, представляющей интерес для правоохранительных органов, чаще всего исходящая из источника за пределами полиции.

Понятие того или иного лица нередко заменяется на профессиональные синонимы: «Третий *объект* нам интересен только вместе со Щетининым» [58, с. 376], «Она собирает информацию об *объектах*, *выпасает* их, а по готовности в нужный момент вызывает кого-то из дружков младшего Фадеева» [60, с.65], «Девушка из "наружки" собирает сведения об *объектах*, Гесс – исполняет» [60, с.119], где под «объектом» подразумевается лицо, поставленное под наблюдение оперативными сотрудниками; встречается в диалогах героев и понятие лица, проходящее по уголовному делу как свидетель, обвиняемый или подозреваемый: «Меня сделали *фигурантом*, почти подозреваемым, и в этом главный камень преткновения» [57, с. 296]; «После вчерашнего вечернего визита к супругам Масленковым появились новые *фигуранты*, и их следует как можно скорее начать *отрабатывать*» [57, с. 247]; единый массив информации, сведенный в отчет о всех происшествиях

в сутках на определенной территории, именуется сводкой и неоднократно встречается в диалогах сотрудников правоохранительной среды, как кодовая информация, доступная определенному кругу участников: «Не проще *сводки* в нашей базе посмотреть?» [60, с.125]; от сочетания «наружное наблюдение», представляющее собой комплекс мероприятий, которые проводят оперативные службы в рамках оперативно-разыскной деятельности по скрытому, негласному, либо зашифрованному визуальному наблюдению за лицом, представляющим оперативный интерес, образуется более доступный и легкий в произношении вариант – «наружка»: «Работать по действующему или даже бывшему сотруднику "*наружки*" у него пока кишка тонка» [Отдаленные последствия Т.2, с.141]; «*наружка* своих людей не светит» [Отдаленные последствия Т.2, с.185]; «Это основы работы "*наружки*": все время менять одежду и головные уборы, а по возможности – и прическу» [Отдаленные последствия Т.2, с.85].

Использует А. Маринина и лексему «земля», обозначающую закрепленную за сотрудником территорию:

«Как раз там, где находится квартира убитого, и *земля шиловская*» [57, с.185]; «Мы на "*земле*" и за меньшее закрываем, а то и вовсе ни за что» [60, с.139]; «Мы с Витей *с одной земли*, знаем друг друга, работали вместе не один раз» [60, с.186].

А. Маринина привлекает метафоры, свойственные лексике аргó и объединяющей людей по признаку их использования:

«Нужно только забежать в хорошо знакомый кабинетик двумя этажами ниже, забросить "*котлетку*", чтобы несанкционированная деятельность осталась незамеченной. "*Котлетку*" на этот раз придется лепить из собственного фарша...» [57, с.89].

Под «котлетой» подразумевается некая немалая денежная сумма, передаваемая с целью дать взятку и иначе именуемую как взятка. Фразеологизм «для поддержки штанов», в разговорной речи означающий материальную поддержку в трудную минуту, либо, в переносном смысле

моральную поддержку, в контексте общения персонажей А. Марининой приобретает совсем другой оттенок: «Иметь в кармане такую запись очень не вредно для *поддержки штанов*» [57, с.227]; в следующих диалогах видна вся суть использования фразеологизма в контексте коммуникации между двумя действующими сотрудниками уголовного розыска:

« – Зачем я вам был здесь нужен? – Для *поддержки штанов*. Чтобы выглядело так, будто у нас по наркотикам все серьезно» [60, с.253]; « – Мы не убийцу ищем, а *поддержку для штанов*? – Именно так. Потому что когда *штаны спадают на ходу*, бежать за убийцей очень неудобно» [60, с.403].

Таким образом, в романах А. Марининой присутствует кодовый язык, недоступный обывателю, а функционирующий для определенного круга лиц с целью конспирирования языковых единиц, а также использование усеченных вариантов понятий для легкости в передаче информации. М. Грачёв определил конспиративную функцию арготической лексики как важную, так как она используется для сокрытия намерений, замыслов, действий [27].

В целом, нелитературная лексика служит для индивидуальной характеристики речи героев, указывает на их профессиональную принадлежность.

2.6.2 Номинативная функция нелитературных средств

Номинативная, другими словами, назывная функция нелитературных слов также служит средством создания образности. Эта функция передает оценочную, эмоциональную и стилистическую информацию [90].

Например, номинации (*лох, стукачок, карга, терпила, недоумок, кретин, вобла* и др.) в романах описывают персонажей лексемами, в которых уже заложена отрицательная оценочность. Распространенными типами номинации являются зоосемантические метафоры, содержащие в себе отсылку к тому или иному животному и негативную оценку адресата речи, подчеркивающие отрицательные свойства человека. Так, негативно-оценочное слово «курица» часто встречается в произведениях А. Марининой

в словесном описании от лица мужчины взаимодействия с глупой, на его взгляд, женщиной:

«Я буду делать вид, будто соглашаюсь с этой старой *курицей* Каменской» [58, с. 296].

Курицей Каменскую называет молодой журналист Петр Кравченко, совместно с ней расследующий старое уголовное дело, человек с амбициями, которого, на его взгляд, никто не ценит и не дает ему возможность проводить расследование в том направлении и теми способами, которые кажутся ему приемлемыми.

В другом случае *курицей* называет продюсер Латыпов свою сотрудницу, которая не может договориться об экранизации с автором художественного произведения:

«Ты ничего не понимаешь, потому что ты – бессмысленная *курица!*» [57, с. 32].

Так именует свою молодую супругу бизнесмен Фадеев, который становится фигурантом уголовного дела:

«Загляни к моей *курице*, она с утра головой мается, и можешь уматывать по своим делам» [60, с. 213].

Негативная оценка личности, ее свойств, качеств и черт характера не привязана к определенному полу, и также может выражать отрицательное отношение к представителю мужского пола, например: «Тупой *козел* этот Зарубин» [60, с.188], где *козел* – это заместитель начальника «убойного» отдела МУРа Сергей Зарубин, выглядящий в глазах сотрудника из другого отделения, прикомандированного для расследования серии преступлений на Петровку, старшего лейтенанта Есакова в негативном свете. В свою очередь, Сергей Зарубин также негативно воспринимает своего временного подопечного из-за его конфликтности и именует его в частных разговорах отрицательной коннотацией: «Вот же *козли*на этот Есаков. Насмотрелся дешевого кино и думает, что может такими тухлыми приемчиками карьеру сделать» [60, с.277].

Собирательный образ, именуемый подобной зоометафорой присутствует и в описании сотрудников юстиции:

«Все следаки – тупые *козлы*, никому ничего не надо, все только за бабло работают, а просто так никто стараться не станет» [58, с. 389].

Таким мнением о сотрудниках правоохранительных органов делится со своим другом подозреваемый Дмитрий Щетинин. Подобная номинация присутствует и с обратной стороны, когда следователи между собой именуют «козлом/козой» лицо, которое необходимо подставить для продвижения по службе:

«– У тебя есть тупой *козел*, от которого хорошо бы избавиться? – Тупой *козел*? – Ну, или тупая *коза*, половая принадлежность роли не играет» [57, с. 166]; «Кого приведут на его место? Вы уже знаете? Какого-нибудь *козла*, которого срочно нужно пристроить?» [60, с. 29].

В негативно окрашенном значении используется и зоосемантическая метафора «овца», в данном контексте обозначающего робкого, безответного, бесхарактерного человека:

«Быть покорными *овцами* и послушно хавать все дерьмо, которое они нам скармливают? На все соглашаться и ни о чем не спрашивать?» [60, с.188],

Старший лейтенант Есаков не согласен со своим коллегой по поводу решений руководства. Присутствует также и словесная автоагрессия: «Барибан велел ехать – и я, как послушная *овца*, поперся сюда. Мозги включить забыл. Столько лет в розыске – и так проколоться!» [60, с. 333].

Используется и зоометафора «крысы» в значении, взятом из афоризма «крысы бегут с корабля» и в данном контексте указывает на людей, которые, подобно животным, предчувствуют беду и покидают пост:

«Побежали *крысы*... Только успели объявить о том, что правительство уходит в отставку, а этот уже подсуетился» [60, с. 29].

В романе «Отдаленные последствия» следователь следственного комитета по фамилии Барибан, характеризующийся автором как пьющий человек, но с большим опытом службы и потому непомерно развитым

высокомерием, которого в свою очередь за глаза сотрудники МУРа называют «священной коровой» за его неприкосновенность в рабочей среде («Почему этот пьющий развязный следователь считается священной коровой? Может, и в самом деле из-за мощных связей и поддержки наверху» [60, с. 115]), коммуницирует с оперативниками уголовного розыска, в том числе со старшим начальствующим составом, грубо-снисходительным тоном, именуя сотрудников в общей массе «стадом» и «кодлой»:

«Мне ждать некогда. Силы не распылять, гоните все *стадо* к одному водопою» [60, с. 115].

Также Барибан позволяет себе критиковать высшее звено оперативного розыска, используя метафорические образы:

«Есть у вашего Зарубина такая манера: раскидает личный состав по разным направлениям *удить рыбку в мутной воде*, а сам на берегу сидит и ждет, смотрит, где клюнет» [60, с. 115].

Заместитель начальника уголовного розыска Сергей Зарубин, в телефонном разговоре с лицом, которое не называется, просит помощи, называя младших сотрудников оперативного става «щенками» при обсуждении безрезультативного поиска подозреваемых, также используя известное крылатое выражение, которое указывает на взятку ценностями, а не деньгами:

«– Тащи *щенков*. – Сделали? – Ну а то! Ладно, мне *щенка* не надо, как я есть начальник, но пацанам за внеурочную работу придется подкинуть» [60, с. 338]; «Указанные номера в данный момент в Москве не используются, ни одна вышка их не регистрировала, что с очевидностью следует из секретной бумажки, оплаченной *борзыми щенками*» [60, с. 339].

В романе «Другая правда» Анастасия Каменская также отзывается о молодом журналисте Петре Кравченко, который зарекомендовал себя как человек с большими амбициями и стремлением раздобыть доказательства фальсификации старого уголовного дела и оттого попадающего в неприятные

ситуации в ходе расследования: «Необученных *щенков* нужно держать на коротком поводке» [58, с. 71].

В романе «Безупречная репутация» Вадим, которому поручено подставить Каменскую, трудящейся в детективном агентстве, с пренебрежением выражается о бывшей сотруднице уголовного розыска, называя ее «мышью» за приверженность Каменской во внешнем облике к простой одежде и отсутствию макияжа:

«Серая *мышь*, тетка под шестьдесят, неудачница, не заработавшая на достойную старость многолетней службой в погонах и вынужденная пахать, находясь на пенсии» [57, с.121].

Активно используются в романах А. Марининой негативно-окрашенные лексические маркеры, обозначающие человека, недалекого умом, глупого, употребленные в бранном значении, например, «слабак»: «Димка – *слабак*, неблагодарная *сволочь* и *идиот*» [58, с. 420]. Номинация с негативно-оценочным значением не всегда является таковой, иногда она сглаживается за счет уменьшительно-ласкательной формы и более мягкого значения: «Самообороны, *глупышка!*» [60, с. 227].

Активно функционирует номинация *идиот* в значении «глупый человек, тупица, дурак»: Например, молодой человек Артем выражает заботу и переживание о своей девушке, работающей массажисткой, в ходе своей деятельности сталкивающейся с самыми разными клиентами, в том числе криминальными элементами:

«Безбашенные *идиоты*...Надо бы тебе начать посещать какие-нибудь курсы для женщин, а то мало ли что»; «От этих *кретинов* обдолбанных всего можно ожидать, ты должна уметь защитить себя» [60, с. 227].

Используется определение «идиот» и в отношении самого себя:

«По телефону я ничего такого никому не говорил, я же не *идиот*. Только лично, глаза в глаза» [60, с. 143]; «Мы тогда, помнится, над ним смеялись, как *идиоты*, все подшучивали, а через некоторое время сами не заметили, как начали поступать точно так же» [60, с. 264].

Отмечается также наименование адресата лексемами: *дурак, придурок, тормоз, недоумок*, так или иначе обозначающим человека глупым, недалеким, с разной степенью глупости:

«Не то что Витя Вишняков, туповатый *тормозной* середнячок. Серость, одним словом» [60, с. 358]; «Вишняков – *тормоз*, все так говорят» [60, с.144]; «Правильно его всю жизнь *тугодумом* обзывали. *Тормоз* – он и есть *тормоз*» [60, с. 405],

Жаргонное «тормоз» обозначает человека медленно, плохо соображающего; синонимом «тормоза» является лексема «дурак» в различных вариациях, как обозначающего человека глупого, ограниченного, несообразительного:

«Какой *дурак* поверит, что ты увидел в ее смерти что-то подозрительное?» [60, с. 66], «Если кинооператор-любитель и впрямь служит в полиции, то не такой он *дурак*, чтобы подставляться» [60, с. 142].

Дурак использующееся как бранное и порицающее слово: «Женька Есаков такой *дурак*, *задницу рвет*, чтобы оказаться на Петровке» [60, с. 428], в том числе и по отношению к самому себе: ««Выследил ее, как *дурак* последний, на вокзал приехал, думал, уговорю, верну» [60, с. 302]. Используется также номинация «дурень», как в фамильярном, так и бранном значении:

«Он-то, *дурень*, обрадовался, рассиропился, когда Сташис его хвалил» [60, с. 135], «Он, *дурень*, решил, что может тебя просчитать и тобой управлять» [60, с. 374]; «Что там этот *дурень* Есаков докладывал?» [60, с. 278], «А ты, *дурень*, нос воротил. Чистеньким хочешь остаться?» [60, с. 318].

Присутствует вариация бранного обозначения человека в слове «придурок»: «Хоть и *придурковатый*, но сын все-таки» [60, с. 425]; «Отвезем его на Петровку, сдадим Зарубину с рук на руки, пусть сам решает, что делать с этим *придурком*» [60, с. 228], где производное «придурковатый» используется в обозначении человека «несколько бестолкового, глуповатого», в то время как «придурок» употребляется в более грубом и сниженном

разговорном значении, может иметь более сильное отрицательное значение, усиленное сопутствующими определениями, образующими устойчивый речевой оборот: «Леньку-то жалко, хоть он и *придурок* был *конченный*» [60, с. 421], где под наименованием «придурок конченный» подразумевается придурок «опытный, хронический». Употребляется и номинация «придурок» в криминальной среде: «Не пойму я, ты *придурок* или идейный? Ты что, всерьез надеешься на то, что кто-то будет разбираться? Может, ты еще и извинений ждешь за незаконное задержание?» [60, с. 287], которая упоминается в диалоге находящихся в камере опытного сидельца и задержанного впервые Матвея.

«Недоумком» в обычном понимании считается человек глуповатый, умственно недоразвитый. В романах Марининой в диалогах данный маркер используется в отрицательно-оценочном значении, например: «Вправлять мозги этому *недоумку* – только силы тратить» [60, с. 387], так отзывается о своем задиристом коллеге Есакове старший лейтенант Колюбаев. Выражение зависти из-за того, что опытные оперативные сотрудники берут с собой молодого, медленного соображающего, но упертого и наблюдательного лейтенанта Вишнякова с собой на важные задания, отображается в восклицаниях его Есакова: «Вот за что такая везуха этому *недоумку*!» [60, с. 220].

Отрицательный маркер «недоумок» встречается и в романе «Безупречная репутация» от персонажа криминальной группировки, именующего себя Котовым и пестующим своего сотрудника, провалившего задание: «Умная Алена все увидит и все поправит, а как следует. По-взрослому, а не так, как ты привык, *недоумок*» [57, с. 66]; *недоумком* снисходительно называет ставшего впоследствии криминальным авторитетом Леонида Гнездилова, сына прокурора, с малолетства промышляющего разного вида преступлениями, заместитель начальника учреждения по воспитательной работе в колонии, куда попадает Леонид: «Нехороший парнишка, это правда.

Гнилой насквозь. Но ведь как жалко его – подростка-недоумка, изгнанного из круга самых близких, самых родных...» [57, с. 183].

В каждом из взятых на исследование произведений А. Марининой встречается свое наименование одной из ключевых женских фигур, связанных с преступлением либо участвующих в расследовании. В романе «Другая правда» такой фигурой является сама Анастасия Каменская, которую ее подопечный журналист Петр Кравченко называет за глаза «воблой», чем выражает свое негативное отношение к наставнице:

«Пенсионерка, ветошь рваная. *Вобла* сушеная» [58, с. 387]; «Сушеная *вобла* будет покупать для своей старой морщинистой задницы новомодный унитаз» [58, с. 56]; «Нет, ну точно, у *воблы* паранойя» [58, с. 226]; «Старая зануда. Сушеная *вобла*. Логика вообще ни грамма, одно упрямство» [58, с. 223]; «*Вобла* не просто нелогичная, она еще и тупая, оказывается» [58, с. 225].

Примечательно, что выражая мысли Петра Кравченко, А. Маринина использует характеризующую функцию, передавая с помощью авторского отступления мысли журналиста:

«Эта сушеная *вобла* его отговаривала, доводы какие-то приводила, сердилась» [58, с. 46]; «Старая *вобла* почему-то бодра и весела» [58, с. 181]; «*Вобла* все время упиралась на логику, а тут дала маху» [58, с. 223]; «*Вобла* будет недовольна, начнет ворчать, а то и выволочку устроит» [58, с. 281].

В следующем романе «Безупречная репутация» жертвой подобного наименования становится Алена Валерьевна, сотрудница Группы, задачей которой было подставить Каменскую. В авторский неологизм «Горбызла» А. Маринина включает весь негатив, направленный в сторону Алены Валерьевны молодым сотрудником Вадимом, считавшим несправедливостью распределения ролей в очередном деле и мечтавшим избавиться от «Горбызлы» как правой руки шефа. Следуя описанию Алены Валерьевны в романе, становится яснее, почему был использован именно такой неологизм. А. Маринина поясняет, что Вадим выбрал такое прозвище за чересчур серьезный подход Алены Валерьевны к делу, который считал проявлением

страха; за педантичность к мелочам и скрупулезное вникание в суть дела. В отношении Вадима к Алене Валерьевне прослеживается ненависть за ее предосторожность, предусмотрительность, опасливость; в нем вызывает отвращение внешний вид и возраст Горбызлы: «Старая дева, некрасивая сорокалетняя тетка, вышедшая в тираж, никому за свои четыре десятка лет так и не понадобившаяся» [57, с. 8].

В мыслях Вадима, выраженных через авторское отступление прослеживается истинное отношение Вадима к напарнице:

«Горбызла уже числилась в ней чуть ли не старожилом, правой рукой шефа» [57, с. 8]; «Деньги – единственное, что в *Горбызле* может привлечь мужской взгляд» [57, с. 9]; «Горбызла сообразила первой. Страх на ее физиономии мгновенно сменился недоумением» [57, с. 10]; «Поквитаться с ней и за Вику, и за выволочку от шефа, и за намеки на то, что *Горбызла* умнее него, Вадима» [57, с. 111]; «Горбызла, как всегда, говорила тихо и сидела, втянув голову в плечи» [57, с. 127].

В романе «Отдаленные последствия» участь негативно-оценочной номинации постигла Светлану Валентиновну, профессора юридического факультета, где когда-то училась Каменская, с которой волей судьбы сталкивается молодой человек Матвей, однажды пришедший наладить компьютер профессору и ставший для пожилой одинокой женщины помощником в делах. При этом, в отличие от двух первых случаев негативной номинации, у Матвея нет ярко выраженной ненависти и отвращения к «старухе», как он иначе ее называет:

«Старую *каргу* Матвей не любит, бесит она его, но – уважает, с этим не поспоришь» [60, с. 10]; «Подозрения подтвердились, когда *Карга* попросила его навести порядок на ее компьютерном рабочем столе» [60, с. 12]; «Матвей им целую лекцию забабахает, перескажет все, что ему объясняла *Карга*, они отвлекутся и вообще забудут, про что перед этим был базар» [60, с. 136]; «Он был уверен, что опять пойдут вопросы про Масленковых, про *Каргу*» [60, с.

160]; «А для работы, которую начала *Карга* и теперь продолжают ее ученики, такие знания совсем не помешают» [60, с. 161].

Карга, в разговорной речи подразумевающая под своим понятием злобную, уродливую старуху, в данном контексте становится сленговым наименованием представителя молодого поколения, смешивается с именем собственным и заменяет его составную часть: «Я уже старенькая, – сказала ему в тот раз *Карга Валентиновна*, – здоровье частенько подводит, иногда по нескольку дней лежу или в постели, или на диване, не встаю, а мне работать нужно» [60, с. 10]; «Вот уже почти три года он регулярно ездит к *Карге Валентиновне*, помогает таблицы составлять, списки какие-то бесконечные, графики и диаграммы рисовать» [60, с.12]; «Ум у *Карги Валентиновны* цепкий, острый, слушать ее пояснения – одно удовольствие» [60, с.12]; «Страх что-нибудь забыть превратился у *Карги Валентиновны* в манию» [60, с.13]; «И *Карга Валентиновна*, и ребята знали об этом только понаслышке, никто из них не был по-настоящему «по ту сторону барьера» [60, с.166].

В профессиональной деятельности используются сокращенные номинации сотрудников правоохранительных органов как сами сотрудниками в неформальном общении, так и в речи граждан и преступной среде: «следак», «опер», «летеха», «старлей», «мент»:

«К *следаку* кто поедет? Он же велел завтра утром доложиться по наркотикам» [60, с. 208]; «Если нам повезет и *следак* сочтет, что можно просить арест, у нас будет два месяца на то, чтобы спокойно и тщательно все сделать» [60, с. 60]; «Обычный *летеха*, ничем не выдающийся, туповатый, тормозной» [60, с.210]; «Мутный он был тип, *опера* все у него на подсосе сидели, он им инфу сливал» [57, с. 199]; «Когда я был зеленым *опером*, то смотрел на тебя, как на божество в хрустальной башне, по имени-отчеству называл, трепетал весь с ног до головы» [57, с. 38]; «Ты, *старлей*, забыл, что отобрали не только Вишнякова, но и тебя тоже» [60, с. 60]; «Наш *старлей*, похоже, не в полиции служит, а в богадельне, верит любой бумажке» [60, с. 218].

Негативными номинациями служат обозначение сотрудников УСБ, являющихся надзорным органом для правоохранительной системы и негативно воспринимающиеся сотрудниками полиции, как действующими, так и бывшими, что выражается в их наименовании «гестаповцами»:

«Эти *эсбэшники* только притворяются, что ратуют за чистоту рядов, а сами делишки свои крутят и даже не особо скрываются» [57, с. 89]; «Мало проблем и без этого *гестаповца*» [57, с.384]; «Чтобы прокуратура на тебя не наехала и *гестаповцы*» под ногами не путались» [57, с.19]; «Слить могли и *гестаповцы*» [60, с. 141].

Пренебрежительное отношение к сотрудникам органов исполнительной власти звучит в диалогах криминальных элементов: «Позвони своему *ментенку*, пусть пробьет» [57, с.159]; «Кто может быть лучшим консультантом, если не бывший *ментяра*?» [57, с.196]; «*Менты* себе кусок бюджета отгрызли, чтобы платить бывшим сотрудникам, которые сдают свои источники» [57, с. 198].

В речи сотрудников полиции также присутствуют наименования граждан, часто взятые из уголовного жаргона, например: «терпила», «кидала», «стукач»: «Наш *терпила* – Витальевич. Безработный бизнес-аналитик» [60, с. 202]; «И чтобы *терпила* мозг не выклевывали» [60, с. 282], где *терпила* обозначает потерпевшее лицо. «Папане своему "внебрачному" наверняка донесет, *стукачок* мелкий, а там и до начальников Дмитрия быстренько дойдет» [60, с. 398]; «Если бы предложили перейти куда-нибудь, где нет официального *стукачка*, согласился бы?» [60, с. 42], где *стукачок* – лицо, сообщающее сведения об обстановке в той или иной среде, или из одной среды в другую. «Решил нанять Матвея, чтобы поквитаться с *кидалами*» [60, с. 399], где «кидала» обозначает афериста, хитрого человека, способного обмануть или уже сделавшего это.

Лексемами со сниженным значением, перенятыми из тюремного жаргона, пользуются как сами преступники, так и оперативные сотрудники: «Пока надзор за нами не очень-то и нужен, так что свою *шавку* он мог и отозвать»

[58, с. 368]; «Работа *шавки* тоже денег стоит» [60, с. 368]; «Без нашего заключения ни одна *шавка* голову не высунет» [60, с. 89], где «шавка» – это незначительный человек, прихвостень, подхалим. Схожее значение имеет термин «шестерка» – человек на побегушках, льстец, подхалим: «Авторитет, который все или почти все делает сам, это уже не авторитет, а так, *шестерка*, *шавка* подзаборная» [57, с. 159]; «Что видели мои *шестерки*? Что я выхожу из здания суда вместе с подсудимым, которого признали невиновным» [57, с. 94].

Таким образом, можно негативно-оценочные номинации «Вобла», «Карга», «Горбызла» присутствуют в речи молодых людей мужского пола, связанных по роду деятельности с женщинами другой возрастной категории. Негативная оценка лиц женского пола, именуемых «Вобла» и «Горбызла» связана с личной неприязнью к реципиентам и большими нереализованными амбициями коммуникантов, по мнению которых у них не выходит реализоваться в профессиональной среде. В контексте употребления определения «Карга» прослеживается возрастная характеристика персонажа с нейтрально-оценочным отношением коммуниканта.

Номинации «шестерка», «шавка», «стукачок», «терпила», перенятые из тюремного жаргона, активно используются в словарном запасе сотрудников правоохранительных органов в связи с постоянным коммуницированием с преступниками. Нелитературные речевые единицы перенимаются и входят в язык обращения сотрудников полиции за счет своей экспрессивности, легкости и скорости в произношении (так как заменяют порой собой целые словосочетания). Результатом данного языкового явления становится деконспирация лексики арг, ее общедоступность и привнесенность в повседневный речевой оборот сотрудников полиции, в целом в узусе.

2.6.3 Воздействующая функция нелитературных средств

Такая функция может быть реализована путем воздействия с помощью употребления форм повелительного наклонения с использованием устойчивого оборота, содержащего экспрессивные элементы, при даче приказаний вышестоящего начальства; предостережения с употреблением

просторечных, жаргонных слов: с использованием сленга и вульгарно-неодобрительных единиц: «Пока не сиди без дела, *покопайся в интернете*, посмотри, что там есть на этого Фадеева Виталия Аркадьевича и на его молодую красивую жену. От соплежуйства пользы все одно не будет» [60, с. 398]; «*Давай-ка к станку*, старлей. И подумай вот о чем: не всегда ценность работника определяется весом того, кто его поддерживает» [60, с. 193]; «Бумажку мне *положь*, чтобы перед глазами была. Имена вот эти все, которые ты мне сейчас тут напел, кликухи, цифры, суммы!» [60, с. 243].

Волюнтаристическая функция может быть употреблена в относительно деликатной форме при выражении поддержки или одобрения: «*Не парься*. Если подружка настоящая, так она еще вчера должна была бы ему позвонить или как-то проклюнуться» [60, с. 314]; использованием устаревших слов: «*Не кручинься*, лейтенант, не все потеряно» [60, с.390].

2.6.4 Фатическая функция нелитературных средств

В произведениях «Безупречная репутация», «Отдаленные последствия», «Другая правда» реализуется фатическая функция, когда используются нелитературные средства как способ поддержания контакта, получения удовольствия от общения или просто заполнением паузы. Такими средствами может быть лексика арго, используемая как сотрудниками правоохранительных органов: «*Зуб даю*: нет в Москве второй Инги Гесс, которая увлекалась бы восточной медициной» [60, с. 66]; так и деклассированными элементами: «*Да зуб даю!* Сегодня утром, прямо в квартире. Меня уже менты трясали» [57, с. 80].

Для перевода контакта в более непринужденное русло активно используются просторечные лексемы: «Как так могло получиться, чтобы в молодости детей не было, а под старость – *здасьте, приехали?*» [57, с. 109]; «Она все делает очень медленно, думает, что у нее еще семь минут есть в запасе, а тут он явится, *здасьте* вам, открывайте мне дверь со снятыми штанами» [57, с. 25]; «*Здасьте!* А следователи? Их целых три штуки: два дежурных, которые выезжали на трупы, и Барибан» [60, с.180]; сленговые

единицы: «— В течение получаса. Не поздно? — *Нормуль*» [58, с. 305]; « — Работаю. А вам как служится? — *Норм*. Вам какой этаж?» [57, с. 154]; употреблением устойчивых просторечных сочетаний: «*Елки-палки*, мне уже до *фи́га* лет, а я все еще хулиганю, как подросток» [57, с. 111]; «*Ни фи́га себе!* Там с ним остался кто? Есть кому рядом побыть?» [57, с. 404]; «*Да елки-палки!* А не проще сводки в нашей базе посмотреть?» [60, с. 124]; «Ох, *ни фи́га ж себе* халтурка у тебя нынче! И почему платят за такую радость?» [60, с. 231]. Используются сленговые глаголы для выражения различных эмоций, состояний: «*Не грузись* этим. Это наша жизнь и наши проблемы [57, с. 46]; «— Его что, убили? — Ну! — Seriously? *Не гонишь?*» [57, с. 80].

Исходя из употребления сленговых, просторечных и жаргонных слов и выражений, мы делаем вывод, что фатическая функция проявляется как связующее звено в диалоге. Она выступает является нейтральной и выражающей различные эмоции и состояния человека, передает недоверие, удивление, эмоциональное возбуждение. Фатическая функция служит для связки в коммуникации за счет используемых экспрессивных и просторечных слов, облегчающих диалог и насыщающих его.

Выводы по второй главе.

В романах А. Марининой реализованы все функции, которые обеспечивают профессиональную и преступную коммуникацию персонажей: номинативная функция в основном связана с отрицательной характеристикой героев, с этой функцией взаимодействует экспрессивно-оценочная функция, она усиливает характеристику персонажей, которым навешивается обидный ярлык. Оценочность взаимосвязана с эмоциональностью, герои в трудной или стрессовой ситуации используют бранные слова и выражения, жаргонизмы. В ряде случаев оценка не актуализируется, а выполняется функция психологической разрядки, выброса эмоций. Бранные слова в таком случае могут выступать как междометия. Таким образом, эмоциональная функция нелитературных слов и выражений связана с тем, что в таких языковых единицах заключена не только отрицательная коннотация, но и экспрессивное

содержание. Причем, контекст коммуникации позволяет героям выразить различные эмоции.

Отрицательно окрашенные нелитературные лексемы отражают стиль речи персонажей, наблюдается сниженный стиль общения, неофициальное общение может переходить в рамки фамильярного. В ряде случаев положительно окрашенная лексика в разговорном стиле может передавать отрицательное значение.

В произведениях А. Марининой реализуется воздействующая (волюнтативная) функция; персонажи при помощи нелитературных слов достигают своих целей. Способом достижения цели может быть инвектива, просторечные слова, жаргонизмы, уничижительные номинации. Эта функция также связана с оценкой. Как отмечает В. И. Жельвис, «табу-семы в составе просто добавляемых «для связи слов» инвектив могут приобретать в речи настолько естественный вид, что эмоционально нагруженным оказывается как раз неиспользование соответствующих слов» [34, с. 24].

В целом, перечисленные функции нелитературных средств (номинативная, волюнтативная, социализирующая, эмоциональная, оценочная, воздействующая), используемые А. Марининой в произведениях, служат для реализации эстетической функции художественного текста.

Отмеченные нелитературные лексемы и фраземы позволяют наименовать субъект или объект действительности, передать информацию, выразить отношение к происходящему, дать оценку субъекту или объекту действительности, передать особенности речи определенной социальной группы, описать географическое пространство текста, определить психологическое состояние персонажа, установить контакт с собеседников, оказать на него воздействие, описать межличностную коммуникацию в профессиональной среде.

Заключение

Нелитературная (внелитературная) лексика как языковой феномен занимает важное место в системе национального языка наряду с литературным языком.

В первую очередь, такая лексика и фразеология (просторечие, жаргонизмы, диалектизмы и др.) выполняет коммуникативную функцию, которая реализует прагматические цели, обладая высокой степенью экспрессивности и оценочности, номинации и идентификации.

В художественном контексте автор использует нелитературные единицы как средство стилизации, речевой характеристики, иронического определения, описания социальной группы, реализации критерия достоверности описываемых событий и др. Эти критерии использования нелитературных средств позволяют автору показать свое знание темы, которая освещается в тексте.

Существующая терминологическая синонимия позволила нам внести некоторые уточнения в понятия *нелитературная* и *внелитературная* лексика. Если традиционно нелитературные средства языка включают в себя, кроме жаргонизмов, диалектизмов и просторечия, и профессиональные слова, (также литературные единицы в инвективном значении), которые активно функционируют в художественном пространстве, то целесообразно использовать термин «нелитературные» средства. Внелитературные лексемы и фраземы (в настоящее время используемые для описания художественного контекста и даже спорных текстов) не включают в себя профессионализмы и табуированную лексику (хотя для нее так же указана эстетическая функция в художественном тексте), поэтому отмеченный объем понятия уже. В настоящем исследовании мы придерживались широкого понятия — нелитературные языковые средства.

В романах А. Марининой диалектизмы не функционируют, основная лексика представлена профессиональными средствами, жаргонизмами и

просторечными единицами, разной степени отрицательной коннотации. Причем, в соответствии с жанром повествования (полицейский роман, детективный роман) лексемы и фраземы социальной группы преступников и профессиональной группы работников уголовного розыска по своему происхождению имеют русские корнесловы, иноязычных лексем не выявлено, как отсутствуют и экзотизмы, так как действия романов происходят в Москве, героями выступают русские люди, которые входят в разные социальные группы населения. Хотя Д. Н. Шмелёв писал, что «вкрапления иноязычной речи в русский роман не делают этот роман нерусским» [108, с. 32].

В романах А. Марининой указанные нелитературные средства выступают основным средством выразительности, как средство стилизации. Эти средства стилизации позволяют реализовать другие функции. Так, в романах отмечается насыщенная эмоциональная коммуникация, которая организована нелитературной лексикой, поэтому имеет большую значимость эмоционально-экспрессивная функция нелитературных средств в художественном контексте. Функция катарсиса отражена в использовании бранных слов и выражений, которые выступают в функции междометия, лишившись номинативного компонента. Поэтому такие средства позволяют передать как положительные, так и отрицательные эмоции.

Функция воздействия позволяет героям решать практические задачи, следовательно не просто делятся информацией, но и выражают к происходящему отношение. Поэтому вступает в силу функция номинации, которая дает оценку происходящему и характеристику героям повествования. Причем, номинация персонажей имеет размытый характер и в большей степени отражает эмоционально-оценочный компонент. Эти две функции тесно связаны, так как воздействие на субъект осуществляется в большей степени посредством отрицательной номинации, тем самым коммуникация может перейти в сниженный регистр.

Как и любые средства литературного языка, используемые автором нелитературные средства также служат для установления контакта, передают

всхожестъ в группу «свой – чужой» (передача специфики той или иной социальной группы) и просто характеризуют особенности профессиональной коммуникации; позволяют описать внешность, поведение, нравственные установки.

Думается, что такие нелитературные средства в художественном контексте играют роль образных средств, например, разговорное выражение *порешать задачу* использовано в жаргонном значении «убить», «решить вопрос», *влипнуть*, *базар*, *глухарь* и др. (прием «семантической деривации»), *мокруха*, *мазила* («суффикс стилистической модификации»), *висяк* (прием усечения) и др. Даже жаргонные выражения с ослабленной оценочностью (*матерый вор*, *важная шишка*, *пользоваться блатом* и др.) могут служить средством образности в детективном жанре, так как создают своего рода среду обитания персонажей. Как этому служат средства с ярко выраженной оценочностью, например, окказиональное использование лексики *проинтуичил* («Не унюхал запаха жареного, не проинтуичил»). Суффикс субъективной оценки сразу изменяет окраску лексики на отрицательную.

Многие отмеченные разговорно-просторечные слова являются ненормативными для литературного словоупотребления. Но в художественном контексте они частотны, так как отражают оценочную экспрессию говорящих. Читатель детективов хорошо знаком с разговорно-просторечной, ненормативной и жаргонной лексикой и фразеологией, понимает стилистическую потенцию используемых слов в качестве иронического, отрицательно или положительного оценивания, фамиллярного словоупотребления. Таким образом в романах А. Марининой нелитературные средства, будучи неоднородными по своему образованию, объединены в средство образности, которое позволяет описать язык преступной среды и следователей, находящихся едином коммуникативном пространстве.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алиция Б. Образ женщины-сыщика в детективах А. Марининой и Д. Донцовой. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue14/literary-study/image-female-detective.html> (дата обращения: 20.11.2024).
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Москва : Наука, 1988. 338 с.
3. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста : теория и практика. Москва : Флинта : Наука, 2004. 495 с.
4. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Москва : Флинта; Наука, 2007. 586 с.
5. Баранов А. Н. Язык как игра: Жаргон и превращенная реальность // Юганов И., Юганова Ф. Русский жаргон 60–80-х годов. Опыт словаря / Под ред. А. Н. Баранова. Москва : Редакция АСМ, Помовский и партнёры, 1994. 304 с.
6. Бахтин М. М. Человек в мире слова. Москва : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. 139 с.
7. Беглова Е. И. Семантико-прагматический потенциал некодифицированного слова в публицистике постсоветской эпохи: Монография. Москва : Моск. гос. областной ун-т; Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. акад., 2007. 353 с.
8. Беглова Е. И., Дударева З. М. Жаргонизмы в русском языке. Стерлитамак : Изд-во Стерлитамак. гос. пед. ин-та, 1994. 42 с.
9. Бойченко В. В. Культура речи сотрудников органов внутренних дел. Составление служебной документации : учебное пособие. Волгоград : ВАМВД России, 2016. 88 с.
10. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/vulgarizmu-bd7154> (дата обращения: 10.01.2025).

11. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX в. Лексика и общие замечания о слоге. Изд. 2-е. Киев : изд. КГУ, 1957. 492 с.
12. Виноградов В. В. О культуре русской речи. URL: <https://studfile.net/preview/395738/page:14/> (дата обращения: 10.01.2025).
13. Виноградов В. В. О художественной прозе // Избранные труды. О языке художественной прозы. Москва : Наука, 1980. 360 с.
14. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. Москва : Гослитиздат, 1959. 654с.
15. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. Москва : Учпедгиз, 1938. 447 с.
16. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва : Высшая школа, 1986. 639 с.
17. Виноградов В. В. Стилистика, теория поэтической речи, поэтика. Москва : Изд. АН СССР, 1963. 255 с.
18. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. Москва : Учпедгиз, 1959. 492 с.
19. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. Москва : Высш. шк., 1991. 447 с.
20. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования стилистических единиц. Москва : Наука, 1980. 237 с.
21. Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. Москва : Наука, 1993. 219 с.
22. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 139 с.
23. Галяшина Е. И. Возможности судебных речеведческих экспертиз по делам о защите прав интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. № 9. 2005. С. 50-59.

24. Голев Н. Д. «Герой капиталистического труда» – оскорбительно ли это звание? (о двух стратегиях прагматического анализа текста как объекта юрислингвистической экспертизы) // Юрислингвистика-I: проблемы и перспективы / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 1999. 181 с.
25. Голев Н. Д., Матвеева О. Н. Юрислингвистическая экспертиза : на стыке языка и права // Юрислингвистика. 2006. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurislingvisticheskaya-ekspertiza-na-styke-yazyka-i-prava-2> (дата обращения: 10.01.2025).
26. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. Ленинград : Просвещение, 1971. 270 с.
27. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго : 27000 слов и выражений. Москва, 2003.
28. Гридина Т. А. Языковая игра : Стереотип и творчество : монография. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 1996. 215 с.
29. Дмитриева Н. М., Линтовская Е. М. Диалектная лексика Оренбургской области : этический аспект // Мир науки, культуры, образования. № 5 (36) 2012. С. 241-242.
30. Емельянова О. Н. Внелитературная лексика // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. Москва : Флинта: Наука, 2003. С. 33–37.
31. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. Москва : Изд-во МГУ, 1961. 519 с.
32. Жельвис В. И. Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. Саратов, 1997. URL: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/page/files/jelvis1.doc> (дата обращения 12.04.2025).
33. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194-206.

34. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи (Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия). Ярославль : ЯрГУ, 1990. 81 с.
35. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов : Изд. 5-е, исправ. и дополн. Назрань : Изд-во «Пилигрим», 2010. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/1788/лексика_сниженная (дата обращения: 10.01.2025).
36. Интервью с А. Марининой // «Вечерняя Москва». 31 августа 1998.
37. Интервью с А. Марининой // «Экстра-М». 8 августа 1998 № 31.
38. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Сб. науч. трудов. Волгоград ; Астрахань, 1996. С. 3-16.
39. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс. Сб. науч. трудов. Волгоград, 2000. С. 5-20.
40. Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва : Гнозис, 2002. 333 с.
41. Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва : Наука, 1992. 330 с.
42. Костыгова Т. Любовь и детектив, или Мужские игры Александры Марининой / Книжное обозрение. 27 мая 1997. № 21.
43. Касьянюк Т. Н., Шипшин С. С. К вопросу об инвективной функции нормированной (неоскорбительной) лексики как предмета судебно-лингвистической экспертизы (психологи-лингвистические аспекты). URL: <https://sppe.ru/k-voprosu-ob-invektivnoj-funkcii-normirovannoj/> (дата обращения 21.06.2025).
44. Котюрова М. П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. Москва : Флинта: Наука, 2003. С. 95–99.

45. Кочергина К. С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка : сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38.

46. Краснова И. Е., Марченко А. Н. О некоторых проблемах профессиональной речи в социолингвистическом освещении // Теоретические проблемы социальной лингвистики. Москва : Наука, 1984. 330 с.

47. Крысин Л. П. Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. Москва : Языки славянских культур, 2008. С. 13–28.

48. Крысин Л. П. Литературный язык // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 565 с.

49. Кудинова Т. А. Языковой субстандарт в новых парадигмах лингвистического знания // Общественные науки. Всероссийский научный журнал. Москва : МИИ Наука, 2010. № 4. С. 78–83.

50. Кузнецова А. А. Язык художественной литературы // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. Москва : Флинта : Наука, 2003. С. 796.

51. Кузьмин Н. П. Нормативная и ненормативная специальная лексика // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Москва : Наука, 1970. С. 68–81.

52. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. Москва : Юрайт, 2013. 415 с.

53. Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник ТГПУ. 2005. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/invektivnye-rechevye-zhanry-v-prostranstve-sovremennoy-mezhlichnostnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 10.01.2025).

54. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Ленинград : Художественная литература, 1974. 285 с.

55. Лебедева Н. Б. «Вот так и живем», или Подсуден ли персонаж художественного произведения? // Юрислингвистика-VII: Язык как феномен правовой коммуникации / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vot-tak-i-zhivem-ili-podsuden-li-personazh-hudozhestvennogo-proizvedeniya> (дата обращения: 10.01.2025).

56. Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи. Москва, 1935. URL: <https://dereksiz.org/d-s-lihachev--cherti-pervobitnogo-primitivizma-vorovskoj-rechi.html> (дата обращения: 13.03.2023).

57. Маринина А. Безупречная репутация. Т. 1. М.: Эксмо, 2023. 320 с.

58. Маринина А. Другая правда. Т. 2. М.: Эксмо, 2023. 448 с.

59. Маринина А. Игра на чужом поле. Москва : Эксмо, 1999. 416 с.

60. Маринина А. Отдаленные последствия. Москва : Эксмо, 2022. 348 с.

61. Маринина А. Стечение обстоятельств. Москва : Эксмо, 2003. 317 с.

62. Маринина А. Стилист. Москва : Эксмо, 2002. 445 с.

63. Маринина А. Шестерки умирают первыми. Москва : Эксмо, 1995. 320 с.

64. Матвеева О. Н. Лингвистическая экспертиза: взгляд на конфликтный текст сквозь призму закона // Юрислингвистика-VI: Инвективное и манипулятивное функционирование языка / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskaya-ekspertiza-vzglyad-na-konfliktnyy-tekst-skvoz-prizmu-zakona-1> (дата обращения: 10.01.2025).

65. Матвеева О. Н. Художественный текст как объект лингвистической экспертизы // Юрислингвистика, 2007. № 8. С. 370-372.

66. Мела Э. Игра чужими масками : детективы Александры Марининой // Филологические науки. Москва, 2000. № 3. URL: <https://фб2.рф/имya-poterpevshego-ndash-nikto-148397/read> (дата обращения: 10.01.2025).

67. Мещерский Н. А. К разграничению понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы» // Ученые записки Карельского пединститута. Сб. науч. трудов. Т. 17. 1967. С. 3-15.

68. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика : цензурное и нецензурное. URL: <https://studfile.net/preview/9862376/> (дата обращения: 10.01.2025).

69. Немальцина М. С., Никульникова Я. С. Сущность и функции диалектной лексики в современном русском языке // Вестник науки. 2024. № 5 (74). Том 1. С. 446-450.

70. Немировский Е. Романист Александра Маринина // Книжное обозрение. 28 октября 1997 г. № 43.

71. Нетяго Н. В., Дюзенли М. В. Лексикология современного русского языка. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 100 с.

72. Новиков Л. А. Лингвистическое толкование художественного текста. Москва : Русский язык, 1979. 251с.

73. Петрищева Е. Ф. Внелитературная лексика в современной художественной прозе // Стилистика художественной литературы. Москва : Наука, 1982. С. 19–34.

74. Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. Москва : Наука, 1984. 222 с.

75. Письмо ФССП России от 18.09.2014 N 00043/14/56151-BB «О Методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов», утв. ФССП России 15.09.2014 N 0004/22).

76. Пономарёва Г. М. Женщина как «граница» в произведениях Александры Марининой // Пол. Гендер. Культура (немецкие и русские исследования). Москва, 1999. С. 181–191.

77. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Базылев В. Н., Бельчиков Ю. А., Леонтьев А. А., Сорокин Ю. А.; Отв. ред. А. К. Симонов ; послесл. А. Р. Ратинова ; Фонд защиты гласности. Москва : Права человека, 1997. 127 с.

78. Понятия чести, достоинства и деловой репутации : спор. тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Фонд защиты гласности ; отв. ред. А. Симонов, М. Горбаневский. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва : Медия, 2004. 326 с.

79. Посиделова В. В. Лингвистический и правовой аспекты инвективной лексики русского языка // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 13-17.

80. Потапов С. М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). Москва : Нар. ком. внутр. дел, 1927. 154 с.

81. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Флинта, Наука, 2006. 326 с.

82. Пурицкая Е.В., Панков Д.И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка : возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23-43.

83. Распопова Т. А. Некодифицированная социально-оценочная лексика и ее использование в русском языке 80-90-х годов XX века: автореф. ... канд. филол. наук. Брянск, 1999. 20 с.

84. Рожанский Ф. И. Сленг хиппи : Материалы к словарю. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского дома, 1992. 63 с.

85. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва : Просвещение, 1996. 399 с.

86. Роскомнадзор. URL: <https://news.rambler.ru/politics/54802580-roskomnadzor-privel-polnyy-sписок-zapreshennyh-v-smi-netsenzurnyh-slov/> (дата обращения: 10.01.2025).

87. Самотик Л. Г. Внелитературная лексика в создании образа инонациональной речевой среды : монография. Красноярск : КГПУ, 2013. 668 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/C/samotik-lyudmila-grigorjevna/leksika-sovremennogo-russkogo-yazika-uchebnoe-posobie/32> (дата обращения: 10.01.2025).

88. Самотик Л. Г. Лексика современного русского языка : Учеб. пособие. 2-е изд., стер. Москва : Флинта, 2012. 510 с.

89. Самотик Л. Г., Джамбаева Ж. А. Внелитературная лексика в художественном контексте // Русская речевая культура и текст. Материалы XI Международной научной конференции / Под общей ред. Н. С. Болотновой. Томск : Томский центр научно-технической информации, 2020. С. 33-42.

90. Саржина О. В. Функции инвективной лексики в высказывании (на примере инвективных имен лица) // Юрислингвистика. № 6. 2005. С. 67-87.

91. Складаревская Г. Н. Новый академический словарь : Проспект. Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 1994. 62 с.

92. Складаревская Г. Н., Шмелева И. Н. Разговорно-просторечная и областная лексика в словарях и в современном русском языке (лексикографический аспект) // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. Москва : Наука, 1974. С. 88-94.

93. Словарь молодежного жаргона: Слова, выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 1992. 113 с.

94. Солганик Г. Я. Стилистические ресурсы языка // Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. Москва : Флинта : Наука, 2003. С. 690.

95. Стернин И. А. О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической экспертизе // «Воронежский адвокат». № 1 (79). 2010. С. 16-21.

96. Стернин И. А. Практическая риторика учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032900 - Русский язык и литература. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Академия, 2005. 268 с.

97. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.

98. Стилистика и литературное редактирование / Под ред. проф. В. И. Максимова. Москва : Гардарики, 2004. 651 с.

99. Трофимова Е. И. Феномен детективных романов Александры Марининой в культуре современной России // Творчество Александры Марининой как отражение современной российской ментальности: Сборник статей / Под ред. Е. И. Трофимовой. Москва : ИНИОН РАН, 2002. С. 19–35.

100. Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в литературном языке // Филологические науки. 1979. №2. С. 28–40.

101. Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. №2. С. 3–12.

102. Хартикова А. И. Концепт «время» в художественных текстах детективного жанра А. Марининой : когнитивно-прагматический аспект : автореферат дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2018. 21 с.

103. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. Санкт-Петербург : Норинт, 2004. 762 с.

104. Чернявская Ю. О. К жанровому определению детективов А. Марининой // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 8. Серия: Гуманитарные науки (филология) / Томский государственный педагогический университет. Томск, 2006. С. 99–105.

105. Черняк М. А. Женский детектив: творчество А. Марининой и векторы развития жанра // Массовая литература XX века. Москва : Флинта, Наука, 2007. С. 259–283.

106. Шабанова А. М. Феномен «женской прозы» в русской литературе 90 -х годов XX века // Вектор науки ТГУ. Тольятти : Тольяттинский гос. ун-т, 2013. №2(24). С. 374–376.
107. Шмелёв Д. Н. Об анализе языка художественного произведения // Вопросы литературы. 1958. С.109-128.
108. Шмелёв Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях : к постановке проблемы. Москва : Наука, 1977. 167 с.
109. Шмелёв Д. Н. Современный русский язык : Лексика. Москва : Просвещение, 1977. 335 с.
110. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград : Наука, 1974. URL: http://elib.old.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=scherba_yazykovaya-sistema--deyatelnost_1974 (дата обращения 15.05.2025).
111. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки / Под ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд. Москва : Флинта, 2009. 479 с.
112. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90-х годов) / Под ред. А. Н. Баранова. Москва : Метатекст, 1997. 304 с.
113. Antrushina G.B. English lexicology. M., 2001. 190 p.
114. Rot A.M. Problems of Modern English and American Slang. Budapest: Fontana Books, 1973. 246 p.
115. Sagarin E. The Anatomy of Dirty words. N.Y.: Penguin Books, 1968. 220 p.
116. Spears R.A. Slang and Euphemism. N.Y.: Jonathan David Publishers, Inc., 1981. 427 p.
117. Eble C. Slang and Sociability: In-Group Language among College Students. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1996. 431 p.

Приложение А

Специальные словари русского языка

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва : ЛИБРОКОМ, 2010. 571 с.
2. Балдаев Д. С. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы / Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Москва : Края Москвы, 1992. 525с.
3. Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь : словарь разговорных выражений. Москва : ПАИМС, 1994.183 с.
4. Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/vulgarizmu-bd7154> (дата обращения: 10.01.2025).
5. Вальтер Х. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Москва : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2005. 360 с.
6. Грачев М. А. Русский жаргон : историко-этимологический словарь : происхождение жаргонных слов и выражений, доступное пояснение, примеры из тюремного фольклора / М. А. Грачев, В. М. Мокиенко. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 334 с.
7. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского аргю : 27000 слов и выражений. Москва, 2003.
8. Елистратов В. С. Словарь русского аргю : (Материалы 1980-1990-х гг.) : Ок. 9000 слов, 3 000 идиомат. Выражений. Москва : Рус. слов., 2000. 693 с.
9. Елистратов В. С. Словарь русского капиталистического жаргона начала XXI века / под ред. Ю. Н. Караулова, И. В. Ружицкого ; Мос. гос. лингв. ун-т. Москва : МАКС Пресс, 2013. 175 с.
10. Ермакова О. П. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина; под общ. рук. Р. И. Розиной. Москва : Азбуковник, 1999. 273 с.

11. Ефимова Е. С. Краткий словарь жаргонных слов и выражений, употребляемых современными осужденными. Москва : ОГИ, 2004. 398 с.
12. Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга. Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2003. 923 с.
13. Меликян В. Ю. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. Москва : Флинта: Наука, 2001. 239 с.
14. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург : Норинт, 2001. 720 с.
15. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани : матизмы, общенизмы, эвфемизмы / С.-Петерб. гос. ун-т, межкаф. словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина. Санкт-Петербург : Норинт, 2003. 446 с.
16. Никитина Т. Г. Футбольный словарь сленга / Т. Г. Никитина, Е. И. Рогалева. Москва : АСТ: Астрель, 2006. 317 с.
17. Падерина Л. Н., Самотик Л. Г. Словарь внелитературной лексики в «Царь-рыбе» В.П. Астафьева / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2008. 576 с.
18. Резниченко И. Л. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение: ок. 25000 единиц. Москва : Астрель; АСТ, 2005. 1182 с.
19. Толковый словарь уголовных жаргонов / под общ. ред. Ю. П. Дубягина, А. Г. Бронникова. Москва : Интер-ОМНИС : РОМОС, 1991. 206 с.
20. Юганов И. Словарь русского сленга : сленговые слова и выражения 60–90-х годов / И. Юганов, Ф. Юганова; под ред. А. Н. Баранова. Москва : Метатекст, 1997. 301 с.